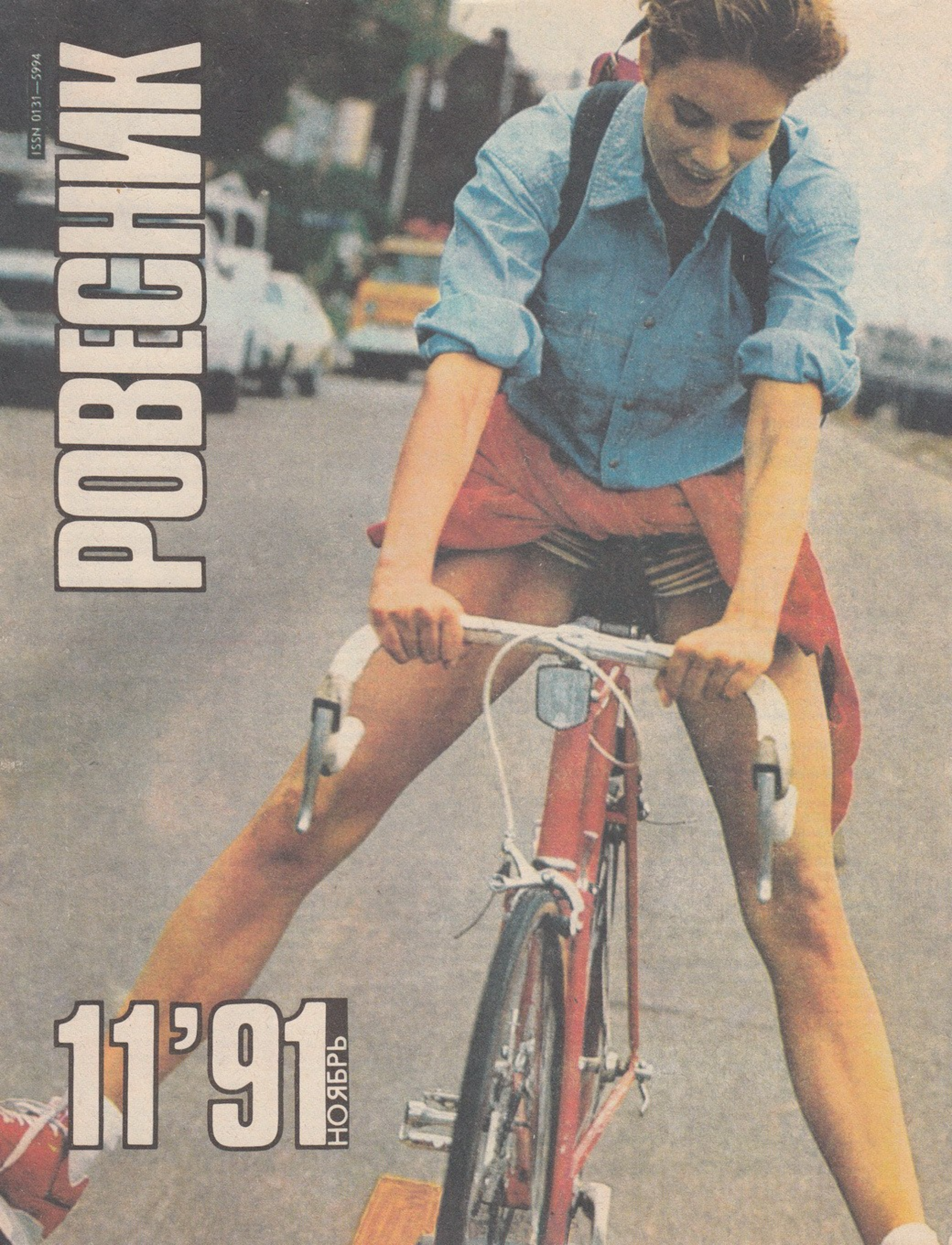

ISSN 0131—5994

POBEGNYK

11'91

НОЯБРЬ

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Уильям Эчинсон. «О ДАЙТЕ, ДАЙТЕ МНЕ СВОБОДУ!»
8. Джеймс Нельсон. ДОЛИНА СМЕРТИ
10. Жан-Франсуа Ревель. БОГЕМА
12. Удо Линденберг. КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ
14. Андреа Сайманс. ФЭНТАЗИ ГЕРЛС
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. И. Стогов. ДО ТОГО, КАК «ВОЛНА» РАЗОБЬЕТСЯ О СКАЛЫ...
20. Дж. Д. Консидайн. ЧИСТО БРИТАНСКИЙ ОТВЕТ БРИТАНЦАМ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Франсуаза Саган. ХРАНИТЕЛЬ СЕРДЦА. ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
28. Мойра Брэмнер. ВЕДИТЕ СЕБЯ ПРАВИЛЬНО
29. П. Вагина. АКТЕР И ДЖЕНТЛЬМЕН
31. ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: велосипед в Западной Европе — это не только увлекательно, но и модно.

Фото из журнала «Штерн»

РОВЕСНИК 11'91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:

Журналистский коллектив редакции

ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 16.09.91. Подписано в печ. 18.10.91. Формат 84x108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 2 055 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2188.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Н-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

ЭТО ЖИВОЕ!

Крис Лангтон никогда не собирался становиться ученым. Хотя его отец был физиком, а мама астрономом, сын предпочел пойти наперекор предначертанной судьбе, отрастил волосы и стал хиппи. Он бросил учебу в университете, отказался служить в армии и был направлен работать в морге одного из госпиталей. Однажды «труп», который он вез на вскрытие, вдруг ожил и сел на каталке. После испытанного им шока Лангтона перевели на другую работу — в компьютерную лабораторию психотерапевтического отделения. Здесь он впервые познакомился с компьютером, впервые ему пришла в голову мысль о возможности создания на компьютере некоей «искусственной жизни». Отработав в госпитале положенный срок, он поступил в университет Аризоны. Студенческие каникулы проводил в горах, сорвался со скалы, получил множество переломов и долгие месяцы был прикован к постели — и, как ни странно, не без пользы: в поисках ключа к проблеме «искусственной жизни» он прочел кипы научных трудов из самых разных областей. А когда через год вернулся в университет, то удивил профессоров своими запросами. Он записался сразу на 20 курсов: математика, антропология, физика, компьютерная наука, молекулярная эволюция, экология, генетика... Вскоре его исследования заинтересовали секретную научную лабораторию Пентагона Лос-Аламос, и молодого ученого, не имеющего никаких степеней, пригласили работать над собственной программой и выделили ему офис (кстати, в двух шагах от того места, где выставлены образцы в натуральную величину двух атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Эти монстры родились здесь).

В его офисе на экране компьютера шевелится, пульсирует нечто, напоминающее мембрану живой биологической клетки. Лангтон утверждает, что организм не

обязательно должен быть «влажным», чтобы жить, достаточно являться комплексной системой, способной воспринимать информацию наподобие того, как делают это привычные нам формы жизни: бактерия, рыба, верблюд, человек. Последствия его открытия трудно переоценить: оно может быть использовано в медицине, в создании новейших «думающих» машин. С другой стороны, реально возникает опасность, предсказанная писателями-фантастами, что искусственная жизнь может выйти из-под контроля человека и даже привести к истреблению человечества. «Мы должны понимать всю ответственность, которая ложится на нас с созданием чего-то, что мы называем живым», — говорит Лангтон, — так как скоро это станет возможным».

На снимке: Крис Лангтон.

У БОЛЬШИХ БОЛЬШИЕ БЕДЫ

Слон Раби из зоопарка американского города Феникс любит рисовать на холсте красками, предпочитая оранжевую и красную (вот и верь утверждениям, что слоны дальтоники!). Посетители в восторге от картин. Очевидно, от зависти к успехам товарища, два других слона принялись чертить палками на стенах собственные рисунки. А вот в Индии, в штате Керала, живет и работает слон, который в выходные, как и его хозяин, любит — извините — выпить. Хозяин приезжает на нем в таверну, угощает бутылкой крепкого напитка и сам усаживается пьянствовать. Когда же падает со стула, слон поднимает его, взваливает себе на спину и несет домой.

Живущие на свободе слоны организуются в настоящие племена со своими традициями и ритуалами, где существует борьба за власть, уважение к старшим и преданность семейным узам. В семейных парах, когда супруги расстаются хотя бы на 20 минут, встречи превращаются в целые события: слон и слониха бегут на-

встречу друг другу, поднимая тучи пыли, хлопают ушами, суют в пасть любимому хобот и ласкаются, выражая полный восторг. Но они умеют печалиться и плакать и могут даже умереть от горя. Если слон ранен, собратья по племени поддерживают его хоботами, а когда он уже не способен идти, то остаются рядом, отгоняя хищников, и приносят ему пищу. Умершего накрывают ветвями и забрасывают землей.

Еще недавно в Азии насчитывалось 200 тысяч слонов, сегодня — 35–50 тысяч. В 1930 году в Африке их жило 5–10 миллионов, в 1989 — уже 60 тысяч. Слоновые

население стремительно тает. Слоны чересчур большие, им нужно много пищи, много воды, много пространства, но люди вытесняют их с привычных мест, привычных маршрутов. Вооруженные автоматами банды браконьеров ведут массовый отстрел слонов: бивни продаются за валюту, на валюту можно купить оружие, оружие нужно как правительственным войскам, так и повстанцам. Лишь за последние 10 лет экспорт оружия в некоторые страны Африки увеличился в 10 раз. Банды вторгаются в парки-заповедники, стреляют даже в невольных свидетелей — туристов, приезжающих

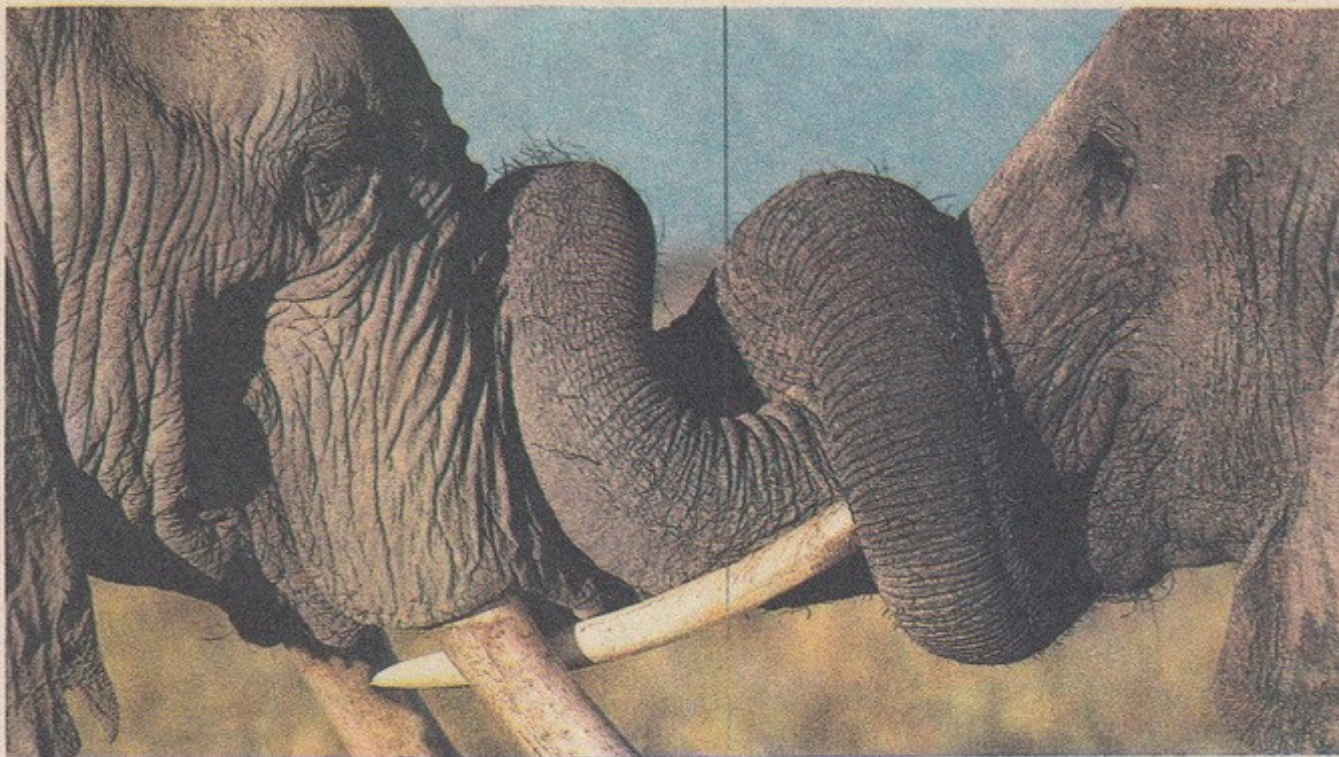
полюбоваться на диких животных.

В Кении существует специальное подразделение для борьбы с браконьерами, но до 89-го года оно было практически беспомощно перед вооруженным и многочисленным противником. Теперь ситуация изменилась: подразделение выросло в хорошо оснащенную армию, солдатам дан приказ убивать браконьеров на месте. Уже убито более ста охотников, у слонов же и туристов в Кенийском заповеднике началась мирная жизнь. Доход от туризма достиг 50

миллионов долларов в год.

У браконьеров конфисковали две с половиной тысячи слоновьих бивней стоимостью в 3 миллиона долларов. Но бивни не стали продавать на международном рынке, вместо этого все они были сожжены, а кенийское правительство обратилось к западным странам с призывом не покупать слоновую кость.

На снимке: дружеский тест на силу и статус — старый слон здоровается с молодым крепким пожатием хобота.

ВМЕСТЕ ПОД ВОДОЙ

Спина к спине в тесной кабине батискафа в черной мгле на дне Бермудского треугольника сидят русские и американские ученые, изучая тайны океанских глубин. Советский подводный аппарат «Мир-1» способен опускаться под воду на глубину 6 километров. Именно «Мир-1» обнаружил затонувшую атомную подлодку «Комсомолец» и замерил уровень радиации. Утечки пока не произошло, но это лишь вопрос времени: когда-нибудь металл будет разъеден коррозией. Ученым предстоит решить сложную проблему, как освободить затонувшие суда от ядерных веществ. Ведь на дне океана сегодня покоится 5 потерпевших аварию атомных подводных лодок — 3 советских и 2 американских.

На снимке: всплытие «Мир-1».

СТАРШЕКЛАССНИКАМ И АБИТУРИЕНТАМ: ХИМИЯ НА ПЯТЕРКУ, И НЕ ТОЛЬКО!

650 ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ ПО ХИМИИ, А ТАКЖЕ ЭТАЛОНЫ ОТВЕТОВ К НИМ ПОЗВОЛЯТ ВАМ РЕАЛЬНО ОЦЕНИТЬ СВОИ ЗНАНИЯ. В сборнике вы найдете задания всех уровней сложности, которые дополняют и закрепляют школьную программу, доходчиво объясняют теоретические вопросы, демонстрируют оригинальные решения задач повышенной сложности и дают дополнительные знания, необходимые при сдаче экзаменов в вуз. Стоимость сборника 35 рублей.

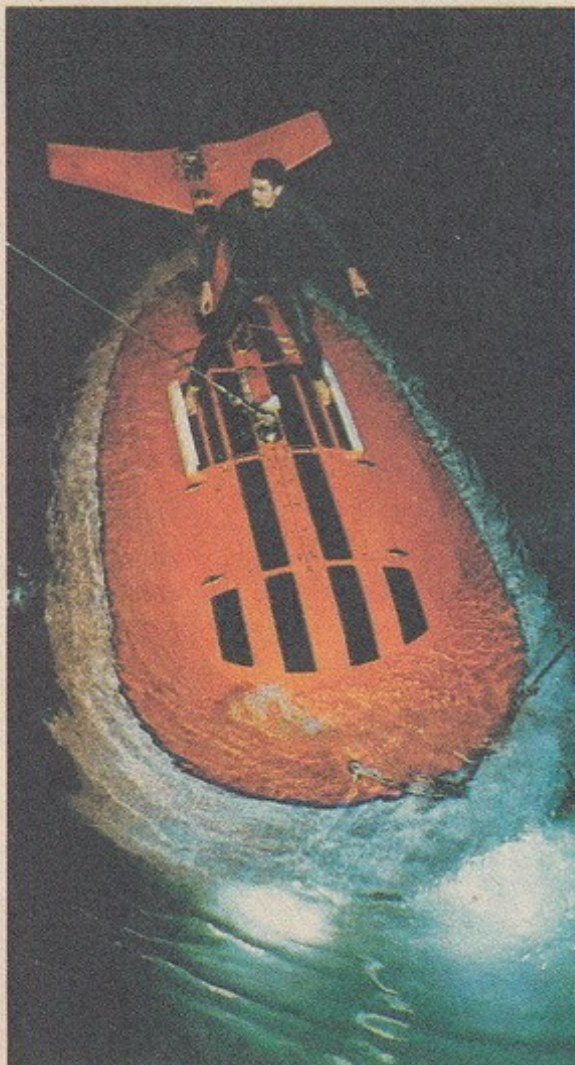
АУТОГЕННАЯ ТРЕНИРОВКА (АТ) ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ, СТУДЕНТОВ И ВСЕХ, КТО ЗАНИМАЕТСЯ САМООБРАЗОВАНИЕМ.

Кассета (90 мин.) со студийной записью поможет вам полностью снять усталость, настроиться на занятия, в несколько раз повысить усвоение изучаемого материала и, следовательно, приобрести массу свободного времени! Стоимость кассеты с записью — 50 рублей, стоимость записи на вашу кассету — 25 рублей. Чтобы заказать сборник или кассеты с записью АТ, необходимо: 1. Перечислить платежным поручением или почтовым переводом указанные суммы по форме: Москоопбанк, кор. счет 161501 в ОПЕРУ Мосбизнесбанка, МП «Контекст» Р/С 345195, МФО 299093. 2. Выслать в конверте по адресу: 123448, Москва, а/я 26 копию платежного поручения (квитанцию об оплате) и открытку с указанием полного почтового адреса получателя, количества экземпляров сборника или кассет. 3. Кассета для записи АТ высылается по указанному адресу вместе с платежным поручением (квитанцией об оплате) и открыткой, в которой указан ваш обратный адрес и количество кассет (90 мин.). Все цены указаны с учетом почтовых расходов и 5% налога.

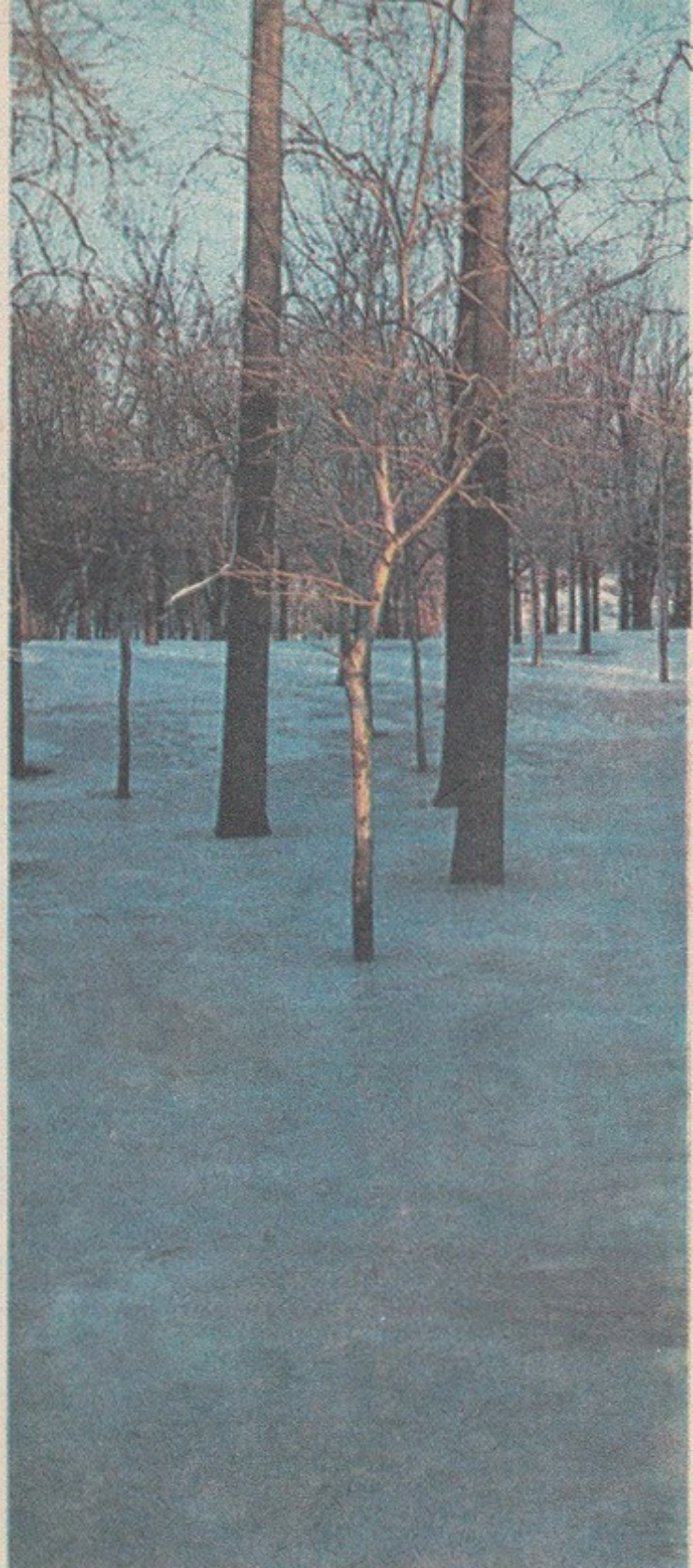
Высокое качество звукозаписи на аппаратуре и лазерной технике лучших зарубежных фирм предлагает АУДИО-СТУДИЯ «СЮРПРИЗ».

Все дополнительные сведения и каталог вы можете получить, выслав почтовым переводом 2 рубля на расчетный счет № 000609529 в АКБ соцразвития г. Красный Луч Луганской области, МФО 304085. Вложите в конверт квитанцию об оплате и чистый конверт со своим адресом (для ускорения ответа) и отправьте письмо по адресу: 349318, Луганская обл., город Красный Луч-18 а/я № 9.

Ваше хорошее настроение — в ваших руках!

Смотрите

Говорят, мы похожи. Россию представляют, как правило, страной непредсказуемо свирепых морозов и таких же политических вывертов и потрясений. С потрясениями у канадцев, слава Богу, обстоит поспокойней, а вот по части морозов они от нас недалеко ушли. Впрочем, как известно и им, и нам, в морозах тоже есть своя прелесть. Это время, когда мужское население, начиная лет с шести-семи — документальное подтверждение сего перед вами, — поголовно увлечено канадским же изобретением, хонкеем. Девчонкам остаются лыжи и, естественно, разговоры. В перерыве между столь важными делами представители разных половин канадского юношества могут встретиться и поцеловаться. Но строго на катке и в мороз!

(Фото из журнала «Нэшнл джиогрэфик»)

Не так давно Карел Срп сидел в тюрьме за совершение «преступления», состоявшего в том, что он публиковал произведения запрещенных писателей и пропагандировал запрещенную музыку. Сегодня он занимает пост заместителя министра культуры Чехо-Словакии и открыл музыкальное кафе в здании ликвидированного ныне Института марксизма-ленинизма и книжный магазин, где продаются книги, не проходящие цензуры. Однако у Српа и его замечательного нового предприятия не все благополучно.

«Мы близки к банкротству,— заявил он.— Культура в Чехо-Словакии наконец-то обрела свободу, но у нас нет денег».

Творческая интеллигенция по всей Восточной Европе прилагает максимум усилий, чтобы приспособиться к своей вновь обретенной свободе. Раньше, хотя ее творчество подавлялось, оно в то же время и субсидировалось. На смену этому удобному существованию в тепличных условиях пришла ожесточенная конкуренция. И это в тот момент, когда правительство вынуждено сокращать расходы на культуру.

В Венгрии оперные певцы провели забастовку после того, как министр культуры отказался повысить им заработную плату. В Польше сотни подпольных издателей, процветавших в период военного положения, извлекая выгоду из тотальной цензуры, разорились после того, как была обеспечена свобода печати. А в Чехо-Словакии, которая лишилась после советского вторжения 1968 года многих талантливых кинорежиссеров, таких, как Милош Форман и Иван Пассер, кинорежиссеры вновь обеспокоены тем, что им придется эмигрировать — на этот раз не по политическим, а по финансовым причинам.

«На чешском фильме просто нельзя заработать деньги,— сокрушенно сказал Иржи Менцел, режиссер фильма «Поезда под усиленным наблюдением», получившим премию «Оскар». — Возможно, нам придется начать выпускать фильмы на английском языке».

Эти трудности интеллигенция получила в нагрузку к переходу с позиций отважных диссидентов на положение измотанных должностных лиц. При коммунистическом прави-

тельстве на творческую личность — будь то писатель, художник или музыкант — была возложена священная миссия: охранять и беречь национальное самосознание. Когда началась революция, такие деятели, как чешский драматург Вацлав Гавел, польский историк Бронислав Геремяк и венгерский писатель Миклош Харасти, возглавили борьбу на баррикадах.

Гавел сейчас занимает пост президента Чехо-Словакии, и многие его коллеги из числа представителей творческой интеллигенции стали министрами или послами. Те, кто продолжил работу в качестве писателей или музыкантов, лишились своего авторитетного положения в обществе, уступив его политической элите, и в определенном смысле — возможности свободно критиковать окружающую действительность. Многим их бывшим коллегам не нравится пристальное внимание к их особам. Даже Гавел, в прошлом драматург, находившийся в тюремном заключении, потребовал убрать некоторые материалы из газеты «Лидове новины», в учреждении которой как подпольного издания он сам участвовал.

«Там была карикатура, высмеивавшая Гавела, и он позвонил в редакцию, разгневанный тем, что его подвергли критике,— заявила Клара Ираскова, отец которой был автором этой карикатуры.— Это в точности напоминало мрачные старые времена».

У представителей творческой интеллигенции есть и такой повод для волнения: получив свободу, они лишились своих самых выигрышных тем. Из невзгод, говорят они теперь, извлекаются важнейшие нравственные уроки. Сам Гавел пошутил, что он, возможно, обратится к возглавляемому им новому правительству с просьбой отправлять его в тюрьму на два дня в неделю, чтобы он мог писать свои произведения.

«Когда творческую интеллигенцию преследовали, она, тем не менее, могла добиться славы,— говорит романист из Чехо-Словакии Иван Клима, один из немногих ведущих писателей, отказавшийся занять государственный пост.— Сейчас жизнь стала скучной. Она не дает материала для великих книг».

Она также оставила литературу без читателей, ненасытно поглощаю-

**«О ДАЙТЕ,
ДАЙТЕ МНЕ
СВОБОДУ!»
СВОБОДУ ДАЛИ, А
ДЕНЬГИ — НЕТ**

Уильям ЭЧИНСОН, корреспондент
английской газеты «Крисчен
сайенс монитор»

щих новые книги. Люди в странах Восточной Европы всегда внимательно следили за литературными новинками и ценили их за то разнообразие, которое они вносили в их во всем остальном скучную жизнь. Читателями были представители всех классов общества. До революции в Чехо-Словакии с населением 13,6 миллиона человек продавалось больше экземпляров книг Уильяма Фолкнера, чем во всех Соединенных Штатах. В этом регионе даже первые издания поэзии для избранных имели тираж 10 тысяч экземпляров.

Несмотря на большие тиражи, спрос опережал предложение. Популярная или спорная книга расходилась буквально за считанные минуты. В пражском книжном магазине «Арбес» покупатели каждый четверг выстаивались в очередь с пяти утра, ожидая еженедельных поставок книг.

Эти очереди исчезли, поскольку новые издательства перестали выпускать не пользующиеся популярностью тома произведений Маркса и Энгельса и стали печатать в огромном количестве произведения, не подлежащие цензуре. Сегодня читатели, которым некогда приходилось часами искать хорошую книгу или тайком передавать друг другу отпечатанные на машинке произведения самиздата, могут прийти в магазины, где в изобилии имеются произведения ранее запрещенных авторов, таких, как Милан Кундера, Иван Клима и Йозеф Шкворецкий.

«Каждая книга была праздником, каждая страница была столь драгоценна, что я наслаждался ею,— вспоминает Менцел.— А теперь я могу покупать книги пачками. Выбор очень богатый».

Конкуренция — ожесточенная. Два года назад, заявил Габор Демски, возглавляющий будапештское издательство «АБ Беселе», в Венгрии было около 30 издательств. Сегодня их более 300.

В Чехо-Словакии — 500 издательств, сообщил Карел Срп. В этих данных не учтены многие издатель-эмигранты, впервые за много лет получившие возможность свободно распространять выпускаемые ими книги на родине. Однако численность чехов и словаков по-прежнему всего 15 миллионов, а венгров — 10 миллионов человек.

«Книг слишком много,— говорит

Демски.— Те, кто занимается издательским бизнесом, должны иметь толстый кошелек, чтобы уцелеть».

Издатели жалуются, что не могут продать серьезные книги запрещенных в прошлом писателей. В Венгрии недавно вышел «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. «Эта книга, которая стала бестселлером повсюду в мире, здесь не разошлась», — рассказал Демски.

У бывших читателей стало больше развлечений, чем до революции. В телепрограммах восточноевропейских стран, напичканных прежде скучными пропагандистскими сентенциями, внезапно в изобилии появились западные комедии и драмы, а в кинотеатрах, где доминировали болгарские художественные фильмы, идут теперь первым экраном новые американские картины. Более распространенными стали редкие некогда развлечения, такие, например, как концерты рок-музыки: группа «Роллинг стоунз» выступала в Праге перед более чем 100 тысячами неистовавших поклонников.

В прошлом году было израсходовано так много энергии, что жители стран Восточной Европы стремятся отвлечься от политики. Неудивительно, что в Польше, например, самым популярным развлечением стал сериал «Династия».

«Мы теряем вкус,— сожалеет Менцел.— Уровень наших зрителей снижается до уровня зрителей на Западе».

Помимо того, что в восточноевропейских странах демонстрируются западные фильмы, сюда потянулись и многочисленные западные предприниматели. Магнаты издательского дела Роберт Максвелл и Руперт Мэрдок приобрели значительную часть капитала венгерских газет, и в скором времени иностранцы, возможно, будут занимать главенствующие позиции в издательском деле и кинопромышленности Восточной Европы. После того, как венгерское правительство отменило субсидии для государственной кинопромышленности, в страну хлынуло множество западных продюсеров, которых привлекают дешевые — по их меркам — павильоны киностудий.

«Венгрия больше не имеет своей кинопромышленности, — говорит Менцел.— И если мы не проявим осмотрительность, то же самое произойдет и у нас».

Заместитель министра культуры Чехо-Словакии Срп согласен с ним. Хотя президент Гавел и чехо-словацкое правительство выступают за продолжение субсидирования кинопромышленности, в государственной казне может просто не оказаться средств для этого. «На следующий год нам потребуется 400 миллионов крон (12 миллионов долларов), — заявил Срп.— Однако министр финансов предупреждает, что получить эту сумму, вероятно, окажется невозможным из-за бюджетных затруднений».

В США недостаток средств можно было бы восполнить за счет частных пожертвований. В Чехо-Словакии это невозможно. «У нас нет богатых людей, которые могли бы пожертвовать на это средства», — сетует писатель Клима.

При коммунистическом режиме Срп создал «Джазовую секцию», которая на самом деле занималась еще и организацией художественных выставок и издательским делом.

По свидетельству писателя-эмигранта Йозефа Шкворецкого, эта секция стала прибежищем для писателей, художников и теоретиков искусства, которые были объявлены вне закона».

Влияние «Джазовой секции» встревожило коммунистические власти, которые запретили эту организацию и арестовали ее руководителей в сентябре 1986 года. В ходе широко освещавшегося судебного процесса Срп был признан виновным в незаконной коммерческой деятельности и приговорен к 16-месячному тюремному заключению.

Сегодня у Српа больше нет проблем с публикацией книг, или проведением выставок, неподконтрольных государству. В его новом центре «Арт Форум», помимо книжного магазина и музыкального кафе, есть две картинных галереи. Но даже заместителю министра культуры приходится сейчас бороться не за свободу, а за субсидии.

«Хотя правительство помогло нам, позволив бесплатно пользоваться этим зданием, нам необходимо еще много средств,— сказал он.— Свобода обходится очень дорого».

В

первые браконьеров из долины реки Уэй я увидел полтора года назад в пабе (я не могу его назвать) на одной из мрачных улочек Монмаута. Этакий старомодный, негостеприимный паб, из тех, в которых разговоры мгновенно затихают, если туда входит незнакомец. Здесь неплохо кормят (если вам нравится осетрина с чипсами), но на этом вся роскошь заканчивается. В пабе нет ковров, нет музыки, нет автомата с мороженым, а пиво тут пьют прямо из жестяных банок. Клиентура в основном мужского пола: крутые, немытые мужики в грубых куртках, вытертых джинсах и больших башмаках. Некоторые из них старые и спившиеся типы, некоторые молоды, недавно за двадцать, но большинство посетителей среднего возраста. Никто из них не имеет «приличной» работы. Все много курят и много пьют.

Когда в тот первый раз я решил заказать тут выпивку, бармен не замечал меня четверть часа. Но постепенно меня стали принимать за своего. Поначалу я заходил сюда лишь в обед, в это время случайные визиты приезжих не редкость. Через неделю я начал появляться по вечерам. Через три недели со мной стали заговаривать. Через пару месяцев завязались настороженно-дружеские связи.

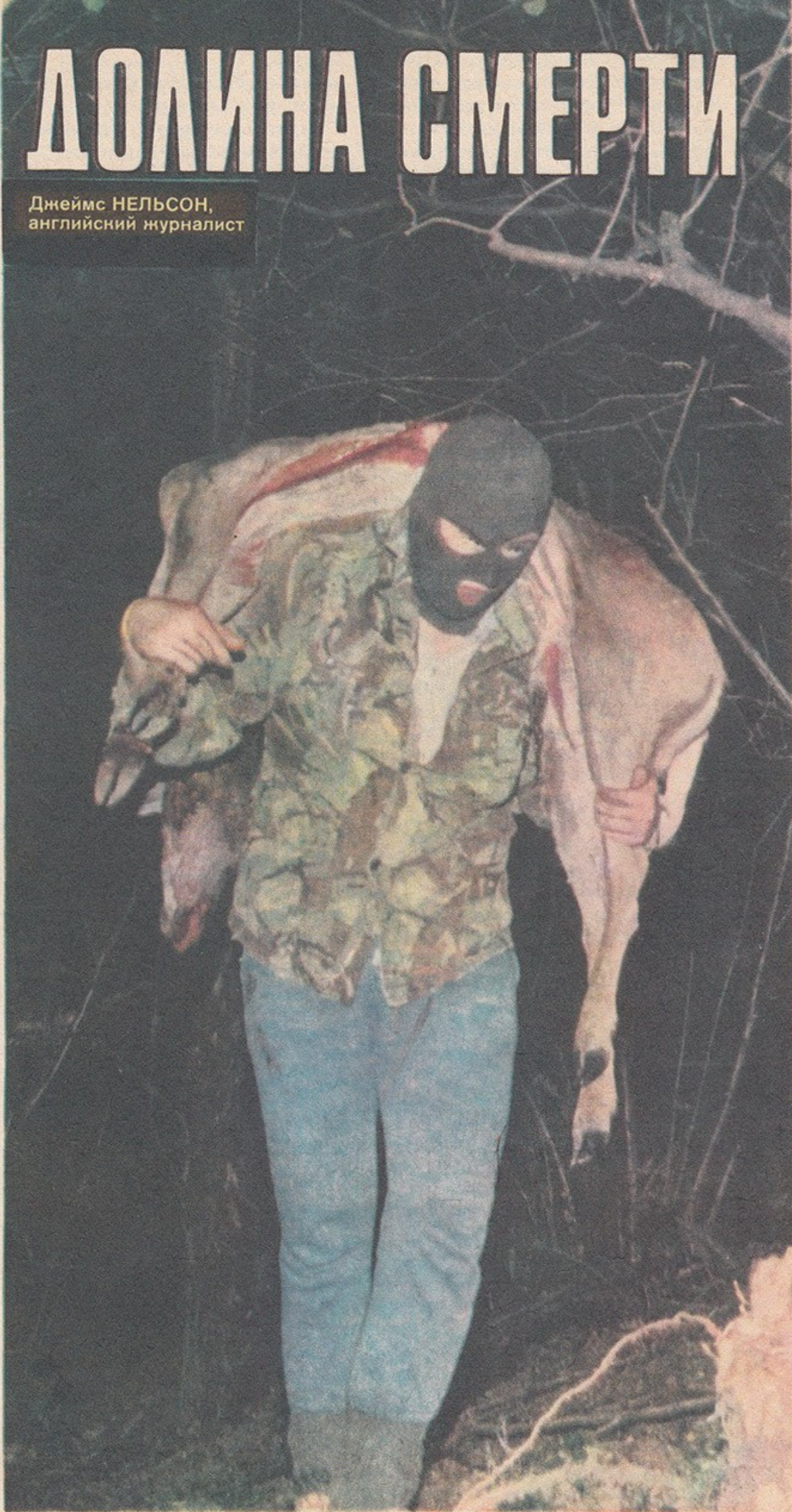
Довольно рано я признался, что интересуюсь браконьерским промыслом и увлекаюсь фотографией, и мне хотелось бы сделать снимки. На второй месяц мне уже рассказывали анекдотические истории из браконьерской практики: старики — о былых подвигах, молодые — о настоящих. Хотя ко мне все еще относились с подозрением: многие из них занимались не только браконьерством, но совершали и другие преступления. Однако постепенно настороженность отступила на второй план, уступив место желанию покрасоваться перед чужаком, не входящим в их круг. В начале третьего месяца мне намекнули, что если я буду играть по-честному и окажусь в нужном месте в нужное время, то мне, возможно, позволят присутствовать на охоте. В течение нескольких недель я просиживал в пабе до самого закрытия, одетый в сапоги, куртку и рабочие брюки, на случай, если меня вдруг решат взять на дело.

Однажды, около двух часов утра (время закрытия паба), один из банды подошел и сказал: «Ладно, едем». Через час автомобиль остановился у заброшенного коттеджа, человек, привезший меня, куда-то исчез, и его сменил мужчина, которого я прежде никогда не видел. Мы пересели в другой автомобиль и снова куда-то ехали в темноте с выключенными фарами. Потом прошли пешком — и я стал свидетелем браконьерской охоты.

Дело было не ахти какое — охота на кроликов. Меня просто решили испытать. В этот раз мне запретили брать с собой фотокамеру. Мой спутник вел

ДОЛИНА СМЕРТИ

Джеймс НЕЛЬСОН,
английский журналист

на поводке двух собак, в другой руке держал фонарь, подключенный к аккумуляторной батарее, висевшей на ремне через плечо. Ночь стояла темная, но не холодная. Два часа мы петляли по полям, очевидно, по заранее известному маршруту. Время от времени вспыхивал луч, и в его свете загорались пары или несколько пар кроличьих глаз. Собаки бросались на застывших на месте кроликов, ослепленных светом. Если же кролик все-таки пытался бежать, луч фонаря следовал за ним. За все время охоты ни одному из кроликов так и не удалось убежать. Обычно преследование длилось не более 10 секунд, и мой спутник добавлял к связке, висевшей на шее, еще одного или сразу несколько зверьков. К концу охоты он обвесил себя 40 кроликами.

Медленно, но верно, в течение последующих недель меня посвящали в тайны браконьерства. Сначала они касались лишь кроликов, потом дело дошло до лососей и оленей. Наконец было решено, что мне можно доверять, я получил разрешение брать с собой камеру и использовать ее, когда она не мешала охоте.

В последние годы браконьерство в здешних местах сильно изменилось. Если раньше охотники довольствовались сравнительно небольшим промыслом, удовлетворяя личные потребности, то теперь дело поставлено на широкую ногу массовых рыночных поставок и больших доходов. В результате охотников-одиночек стала вытеснять организованная преступность банд, не знающих ни меры, ни жалости.

Конечно, браконьерство всегда было грязным делом, творившимся тайно под покровом ночи, но нынешние охотники превратили браконьерство в вид массового уничтожения животных. Трейлеры с морозильниками способны принять любые количества добычи.

Мои ночи с браконьерами проходили по заведенному образцу. Их предвечеряли вечера в пабе — необходимая часть программы, — браконьеры морально готовились к делу, подбадривая себя выпивкой и марихуаной, ожидая донесений разведки о перемещениях животных и бейлифов (лесников). Произнесенные шепотом послания передавались и принимались через хозяина паба, который выступал в роли связного. Далеко за полночь приходили к решению, и, как правило, четверо вставали из-за стола и уходили в темноту. Им предстояло долгое путешествие в средневековом автомобиле, не знающем износа и не зарегистрированном автодорожной инспекцией. Последний отрезок пути проделывали с выключенными фарами и без номерных знаков. Автомобиль оставляли в стороне от дороги, чтобы на него случайно не наткнулся бейлиф. После чего все натягивали на головы маскировочные шапочки с прорезями для глаз и рта и шли на дело. Холмы, поднимавшиеся от берегов реки Уэй, густо

поросли лесом, и в облачные ночи здесь царил полная темнота. Но именно такие ночи и выбирали охотники: ведь луна могла их выдать.

Когда мы шли на лов лосося, то брали с собой надувную лодку, всегда черного цвета, чтобы она не выделялась на воде, и сеть. Низ сети снабжен грузилами, верх — поплавками, так что у рыбы нет другого пути, кроме как в сеть: пытаясь прорваться, лососи застревают в ее отверстиях. Когда сеть установлена, нам нечего делать, в течение часа мы просто сидим в кустах и дрожим от холода. К этому моменту мы все уже мокрые. Потом мы вытягиваем сеть на берег и вытаскиваем из нее лососей. Обычный улов составляет 35 больших рыб. Мы идем к машине, перед этим сделав лишь одну остановку, чтобы сдуть лодку и спрятать ее и остальное снаряжение в тайнике. В другом тайнике прячется улов.

Браконьеры резко снизили численность лососей, обитающих в реке. С 1982 года количество пойманных на удочку лососей сократилось с 6500 до 3000 в год. По подсчетам специалистов, Уэй теряет от 10 до 20 тысяч лососей ежегодно. Подобная участь постигла и здешних оленей.

Охота на оленей проходит следующим образом. Покинув машину, мы шли к тайнику, откуда доставали патроны и старые обрезы, завернутые в полиэтилен. Потом мы углублялись в лес, петляя по заранее продуманному маршруту. Двое шли с фонарями, двое — с ружьями. Время от времени луч фонаря выхватывал из темноты горящие точки глаз оленя — и следовали выстрелы. Фонарики действовали по интуиции, направляя и включая фонари лишь на мгновение и тут же выключая их. Охотники стреляли туда, где только что были светящиеся точки. Иногда в темноте слышался звук упавшего животного. Но чаще раненый олень с шумом проламывался сквозь кустарник, в свете фонарей преследуемый собаками.

Браконьеры предпочитают обрез, так как у этого оружия большая рассеянность выстрела, а значит и больше шансов ранить зверя. Но чтобы убить наповал, необходимо попасть в голову из мощного охотничьего ружья. В среднем пять раз за ночь мы натывались на оленей и стреляли в них, но возвращались с охоты лишь с одним убитым оленем. Ни разу мне не довелось увидеть, чтобы оленя удалось застрелить сразу на месте.

Едва олень падал на землю, ему перерезали горло (у каждого имелся при себе нож), потом потрошили, чтобы уменьшить вес туши. Дело нескольких минут, но мы все вымазывались в крови. Потом по двое, попеременно, волокли тушу к дороге и прятали ее в тайнике. В следующем тайнике прятали оружие, в третьем — окровавленную одежду, предварительно достав оттуда чистую, чтобы переодеться. Теперь, если бы мы наткнулись на бейлифов или полицейских, при нас уже не было ули-

Ровесник 11'91

В 1987 году наказания за браконьерство резко ужесточили, но из-за больших денег, которые приносит этот преступный промысел, правоохранительные меры обернулись еще большим насилием со стороны браконьеров. Случаи нападения на бейлифов стали повсеместным, обыденным явлением. Хотя бейлифы набираются из бывших военных, непугливых крепких мужчин, но браконьеры превосходят их числом, они знают каждую тропинку в здешних лесах и обладают разветвленной сетью информаторов по всему району. Местные жители покрывают преступников из страха и из чувства соседской солидарности, присущего провинциальным городкам и поселкам.

Система обеспечения браконьеров впечатляет. В доставке добычи из тайника покупателю может участвовать несколько команд: пара парней приезжает на мотоциклах и подтаскивают тушу к самой дороге. В любой момент они могут прыгнуть на мотоциклы и удрать. Следом на машине подъезжают еще двое, забирают тушу и отвозят ее в условленное место. Там ждет другая машина, в которую перекладывается туша. Многие молодые ребята зарабатывают на карманные расходы тем, что обслуживают сеть браконьерских тайников, обеспечивают их чистой одеждой, стирают грязную, подвозят патроны, следят за исправностью снаряжения.

Все в этой системе продумано до мелочей, браконьеры не полагаются на волю случая. Если у них существует малейшее сомнение или им неизвестно местонахождение бейлифов, или ночь недостаточно темна, они предпочитают не идти на дело. После дюжины удачных экспедиций я начал задаваться вопросом, почему они так осторожничают?

Обе стороны признают, что браконьер не считается пойманным, пока не окажется за решеткой. Стычки с бейлифами всегда носят ожесточенный характер — или ты силой добываешь свободу, или тебя избивают до бесчувствия и бросают за решетку. Пару лет назад двух браконьеров утопили в реке при попытке к бегству. Часто в ход пускаются ножи.

Для браконьеров постоянное чувство опасности — одна из привычных сторон их промысла, они гордятся своим бесстрашием и бесшабашным образом жизни. Они с презрением относятся к благополучию и все заработанные деньги тратят лишь на наркотики, выпивку и женщин.

Большинство браконьеров обладает завидным знанием природы: они ориентируются по звездам, различают следы животных в абсолютной темноте. В их ночной опасной жизни есть своя романтика, но факт остается фактом: они — преступники. Маски, которые они носят, делают их похожими

на террористов. В некотором смысле они ими и являются. Бейлифы и землевладельцы, многие из которых не раз были избиты и которым не раз угрожали смертью, боятся вступать с ними в конфронтацию; местные жители боятся сообщить о них в полицию, напротив — многие оказывают им помощь. Я часто наблюдал ссоры и слышал страшные угрозы в браконьерском пабе. Однажды человек (теперь он в тюрьме) приставил нож к моему горлу и сказал: «Если ты нас заложишь, я перережу тебе глотку».

Доходы у браконьеров солидные: в разгар сезона каждый может заработать по много сотен фунтов в неделю. Но в мертвый сезон заработки иссякают, мало кто из браконьеров может похвастаться, что ему хватает на жизнь (квартиры, в которых я побывал, выглядят ужасающе бедно).

Моя последняя браконьерская операция окончилась драматически. Сезон шел на убыль, и поток денег иссякал. Ночь стояла холодная и слишком светлая. Бывалые браконьеры решили не выходить на дело. Но двое из них только что приехали из Амстердама, где они прогуляли тысячи фунтов и теперь сидели на мели и страшно нуждались в деньгах. Подзарядившись спиртным и забыв, что главное оружие браконьера — осторожность, они решили идти на лов лосося, взяв напарниками двоих молодых ребят.

Как обычно, спустили на воду надувную лодку и стали расставлять сеть. Я сел в стороне, наслаждаясь ночным воздухом и размышляя, как много я узнал за последние месяцы. Вдруг весь холм озарился прожекторами. Бейлифы накрыли нас. Я увидел множество людей, со всех сторон бегущих к реке. Через несколько секунд я пришел в себя и бросился бежать. За спиной я слышал крики, свистки и — самое страшное — лай собак. Злых немецких овчарок, натасканных для преследования людей.

Несколько часов я бежал сломя голову в полной темноте, потом еще час сидел, прячась на дереве, насмерть перепуганный и без сил. И все-таки меня не поймали. В отличие от остальных. После ожесточенной драки один из браконьеров получил ножевые ранения, все были избиты, арестованы, их осудили на различные сроки тюремного заключения — не только за браконьерство, но и за другие преступления, о которых удалось узнать в ходе следствия. Множество их дружков тоже оказалось за решеткой.

На время организованная преступная группа была расколота и обезврежена, но старые привычки умирают с трудом, особенно, когда вокруг столько добычи. Наверняка пришли другие парни и заняли место тех, кто оказался в тюрьме.

Сейчас лососевый сезон закончился, но олени все еще бродят по лесу. Возможно, сегодня ночью опять прольется кровь. Но вот вопрос: чья?

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

В

названии его есть намек на цыган, которые, как ошибочно считали в прошлом веке, пришли из Богемии, области Центральной Европы, однако от цыган у богемы есть разве что легкость в перемене мест.

К 1870 году сфера влияния богемы ограничивалась Латинским кварталом, затем в нее попал весь Париж. С началом XX века из явления сначала чисто французского богема превратилась в феномен мировой культуры.

О том, насколько большую международную популярность имела богема, насколько соблазняла она воображение творцов, свидетельствует выбор Джакомо Пуччини. И по сей день под гениальную музыку его «Богемы» выходит на сцену призрачное антиобщество, жившее без предков, без последователей и, наверное, без разумного для нас объяснения.

Оказывается, что экономический базис определяет не все. Во все времена во всех странах в складках социальной ткани произрастают изгои. Растут они добровольно или вынужденно, испытывая лишения и иногда находя в этом прелесть. Их существование обусловлено иногда выходом за рамки закона, иногда бунтом, а порой просто творческим бессилием.

Но романтическая богема являлась (или считала себя) чем-то более значительным, нежели обычными неудачниками. Она смотрела на себя не как на отбросы общества, но как на его цвет. При этом она это общество еще и презирала. Богема считала, что воплощает искусство в противовес обывательщине. Мазила-художник, живший в каморке под лестницей, маг из пивной, неимущие писатели, речистые ворышки вроде племянника Рамо, гении, сбившиеся с пути, вроде Франсуа Вийона, плутоватые вечные студенты, путающиеся со шпаной пьянчужки-рифмоплеты и прочие расстриги и калеки... — все они считали, что только они и могут спасти общество. В каком-то смысле они нуждались в обществе, ведь, отрицая его, они были его частью. Им нужно было, чтобы оно существовало, чтобы они могли его ненавидеть, смеяться над ним, мистифицировать его.

Богема либо сознательно выбирала нищету, поскольку многие из ее числа, например, студенты, происходили из богатых семей, либо смирялась с ней из принципиальных соображений, отвергая любое упоминание о возможной государственной службе. Таким образом она имела возможность полностью посвятить себя живописи или поэзии. Но самое удивительное, что это настоящее артистическое предназначение не предполагало ни для самого артиста, ни для его товарищей никакой потребности в его воплощении. В XIX веке человек «становился» поэтом или художником и оставался им навсегда, даже если ничего не создавал. Чемпионом этой «философии созидания» можно считать героев

Альфреда де Виньи, которые называли сами себя поэтами и, не написав ни одного стиха, умирали от отчаяния, потому что публика их не понимала. Однако Мюрже описывает богему с язвительностью, которая оживляет несколько сентиментальную оперу Пуччини. Частенько иронизирует он над этими людьми, для которых искусство значило жить жизнью богемы, а отнюдь не работать над произведением. «Их гениальное произведение — это их каждодневное существование».

Ни один из настоящих гениев XIX — начала XX века за исключением, пожалуй, Бодлера не вел богемную жизнь в течение долгого времени. Да и со стороны Бодлера это не было сознательным выбором. Он ненавидел возведенную в превосходную степень неряшливость, тщательно культивируемую нечистоплотность. Как известно, его идеал тянулся к прямо противоположному образу, к денди. Денди — это та же богема, только моются они регулярно.

Что же касается Верлена, то в его случае это скорее непроизвольное па-

БОГЕМА

Жан-Франсуа Ревель,
французский журналист

Ровесник 11'91

другая штука. Авангард, по определению, это улица, а не тупик. А их эпатаж — это лишь временный выкуп за творческую свободу, но никак не самоцель. Конечно, сюрреалисты многое взяли от богемы — в первую очередь отказ от любой, или, по крайней мере, регулярной и принудительной, работы по найму. Но в их случае это не пустая отговорка, ведь их многочисленные произведения налицо, они заполнили весь мир, а не просто комнатную нищету трактирщика. Настал конец старой дедушкиной богеме, «этой печальной стране, ограниченной с севера нуждой, а с юга нищетой, где утро начинается с иллюзии, а вечер кончается больницей» (Альфонс де Калон, «Путешествие в страну Богему», 1852 год.)

Остается понять причины, по которым в течение целого века богема была реальным призраком, прирученной экзотикой, влиятельным чудовищем, передавшим свои концепции, шутки, предрассудки, выходки и страхи писателям и художникам, которые к ней никогда не принадлежали, и образованной буржуазии, которая восторгалась ее фокусами и умилялась оскорблениям. Несомненно, что даже те писатели, которые ненавидели богему — Бальзак, Флобер, Золя (его «Творчество» — это обвинительная речь богеме), Гонкуры, а также их читатели разделяли систему ценностей богемы. Они разделяли не политический экстремизм богемы, как правило левацкий, но его эстетическое неприятие общества, которое их взрастило, и управлять которым они оставляли право другим. Богема была одновременно их третьим миром и иностранным Легионом. Даже те из писателей и художников, кто очень быстро становился значительным и уважаемым, когда-то в молодости тоже грешили любовью к богеме. Эта «первая любовь» позволяла лидерам литературного и художественного общества шагать по жизни с независимым видом босяков, кичиться тем, что они изгои и аутсайдеры, ведя вполне комфортный образ жизни. Потом, правда, они научились обходиться и без двойника.

Перевела с французского
Вера СТАРОВОЙТОВА
Фото Владимира ЯЦИНЫ

Что такое богема? Зачастую мы причисляем к ней избалованных папенькиных сынов, жаждущих некоего великосветского времяпрепровождения. Между тем, богема — это выбор образа жизни, замешанного на бедности вкупе с бродяжничеством, отназ от признанных норм, религия наоборот. Легенда, достославная и жалкая одновременно.

дение в результате пьянства, нежели сознательно избранный образ жизни.

Настоящая богема намеренно культивировала художественную и литературную несостоятельность. Она не испытывала никакой необходимости проявить себя, никаких угрызений совести по поводу собственной лени. По мнению богемы, на бесплодие ее обрекает само общество. Правомерность своего существования богема доказывает по принципу «утверждение от обратного». Чтобы считать себя «артистами», им достаточно противопоставить себя «буржуа». Чем чаще они терпят провал, тем громче они вопят от гордости, так как их ничтожество свидетельствует о гнусности буржуазии. А буржуазия, в свою очередь, осознает, что богема ее дополняет.

Как только была, наконец, провозглашена Республика, буржуа ринулись

в объятья богемы в их кабаре «Черный Кот», «Ловкий Кролик», спеша обзавестись там престижными «подозрительными» знакомствами. Франсис Карко, лучше всего описавший богему Монмартра около 1914 года, говорит с горечью, что в то время завсегдатаи кабачков пили до умопомрачения, лишь бы поддерживать в воображении буржуа эту бессмысленную легенду.

А подлинная богема в то время уже почти ушла из истории. Поэты и художники 10–20-х годов нашего столетия, которые непосвященным кажутся принадлежащими к богеме, — Аполлинер, Макс Жакоб, Эрик Сати, художники Купальни, а чуть позже — молодые сюрреалисты — на самом деле являются, благодаря своей гениальной созидательности, не богемой, а авангардом, а это уже совсем

ВЫ ХОТИТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ?

Используйте свои скрытые возможности — это приятно и выгодно! Необходимую помощь окажет Школа практической психологии.

Чтобы БЕСПЛАТНО ПОЛУЧИТЬ дополнительную информацию, присылайте конверт со своим адресом: 113556, Москва, М-556, а/я, 78, Школа практической психологии.

КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ

В первый раз я попал в Гамбург в самый разгар Великого Времени Хиппи. Шел 1968 год. На мне было огромное продуваемое всеми ветрами пальто. Я написал на нем фломастером: «Все люди — братья, и я твой друг. Поговори со мной». Мной владела мысль, что люди должны жить в мире и согласии друг с другом.

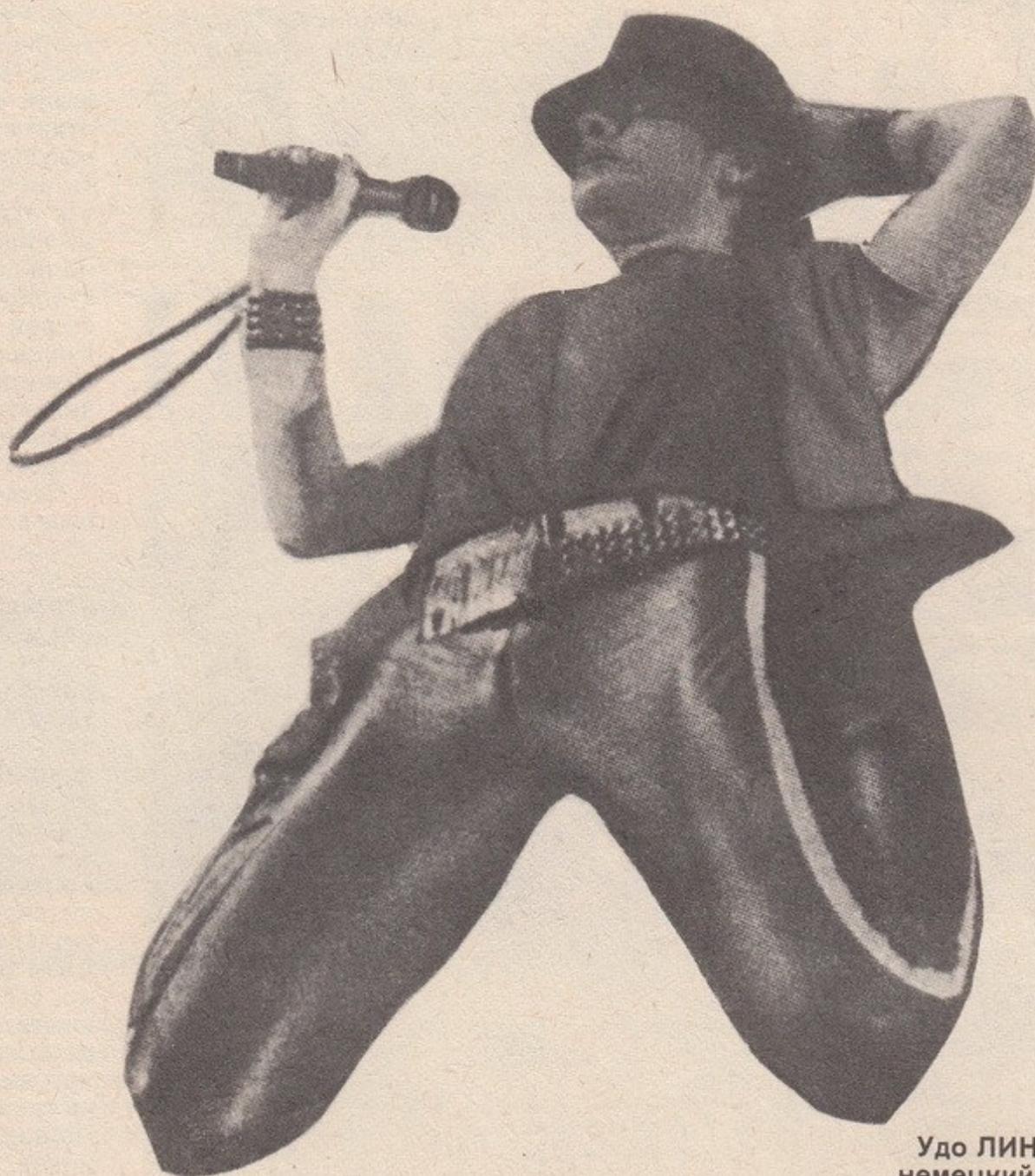
А люди реагировали на эти призывы к миру и всеобщей любви как-то неуверенно. Ну, что ж, думал я, утопии для того и существуют, чтобы обращать их в действительность. Я часто мечтал тогда, — и не был в этой мечте одинок, — чтобы люди взялись за руки и образовали бы цепочку вокруг земного шара. Студенческие волнения, мысли и чувства без предела, пробуждение всех и вся. Фантастически интересное время.

А что же музыка? Мне жаль сегодняшних ребят с этой мутью, которая выплескивается на них, не то, что тогда, в конце шестидесятых: Джими Хендрикс, «Роллинг стоунз», «Битлз», Джоан Бааз, Боб Дилан, «The Who», «Тен ерз афтер», «Лед зеппелин» и многие другие пионеры и революционеры рок-музыки и нового мышления.

Я прибыл в Гамбург с твердым намерением покорить мир и повадился ходить в порт, где во мне снова проснулась страсть к дальним плаваниям. Может, Гамбург просто не по мне? Может, лучше было бы в Рио-де-Жанейро или Сиднее? А может, лучше стать дрессировщиком чаек?

Сидела во мне тяга к гавани, к морю. Не могу объяснить этой странной любви к мореплаванию, к матросам, капитанам, штурманам и кочегарам. Неспроста так много моих песен посвящены морям и океанам, бурям и штормам. Моя первая пластинка называлась «По ветру», и были на ней песни «Далеко на севере» и «Море мечты». И сегодня я, рокер в бессрочном плавании, как бы компенсирую песнями несбывшиеся мечты о море: «Ямайка», «Одиссея», «Целый день сижу на палубе», «Соленый ветер».

Тогда я просиживал штаны в гамбургских пивных и записывал на картонных подставках для кружек наброски текстов. Эти картонки были моими черновиками. Одним глазом я смотрел на бутылку, другим на отплывающие корабли. И вот однажды под завывание ветра я вдруг понял, что настоящих-то немецких текстов и нет. Все — сплошь

Удо ЛИНДЕНБЕРГ,
немецкий музыкант

шлягерная тягомотина и скудоумие. Мне захотелось написать по-другому. И мне удалось попасть в нужную точку, вернее, в северогерманский нерв, и я написал хит «Далеко на севере», который потом все время передавали по радио. «Ни с того, ни с сего бродяге Удо удалось написать хит № 1», — с большой симпатией к самому себе думал я.

Тогда у меня все шло неплохо и в игре на ударных. Все складывалось довольно благополучно: автор текста по случаю и ударник божьей милостью. Меня пригласили в мюнхенский оркестр «Паспорт». Я стал мастером-ударником и относился к работе с невероятной серьезностью. Поэтому, и по многим другим причинам, я перестал пить и перешел на чай и успокоительные таблетки.

Я начал пить рано, и пил сильно, без головы, которую сдавал в гардероб вместе с пальто. Может, я начал пить потому, что от рождения у меня был избыток мозговых клеток, и мне было необходимо от них избавиться, ведь поп-звезда не должна быть слишком умной. Потом я сел и подсчитал: выходило, что теперь столько клеток, сколько нужно, и я перестал пить, сказав себе: «Будь здоров!»

Работа ударника в оркестре не из легких, а надо сказать, что крепышом я никогда не был. Мне казалось, что я не выдержу этой нагрузки. Но и такой опыт тоже нужен будущей звезде.

Я продолжал упражняться в написании немецких текстов, хоть и было это очень непросто. Дело в том, что рок-музыка и немецкий язык сочетаются так же, как вода и

Продолжение. Начало см. в № 10 за этот год.

огонь. Но я чувствовал, что все получится. Пытался я писать тексты и по-английски, но это мало кому нравилось, да и мне самому тоже. Английский я знал не блестяще, и решил, что если хочу писать о понятных всем вещах, то должен это делать на языке, который все поймут железно. К сведению интересующихся: в начале 70-х все роковые вещи исполнялись в Германии на английском языке, потому что мечтой всех местных рок-музыкантов были гастролы по ту сторону Большого Пруда. Я тогда тоже выпустил кое-какую продукцию на английском языке под названием «Линденберг». Большого восторга ни у публики, ни в прессе это не вызвало. Потом я подметил, что публика хочет слышать настоящие тексты на живом уличном языке. Появился спрос на родной язык. После шока, вызванного нацизмом, немецкий язык на многие-многое годы как бы пропал. Я работал как проклятый, я ухондокал множество пишущих машинок. Изобретатель творит в одиночку. Тому, кто плывет против течения, нужно много сил.

До того времени я играл преимущественно джаз, все его виды. Но было ясно: скоро этому придет конец. Пора вершить революцию в немецком роке. Надежду на то, что это мне удастся, вселила в меня группа «Ире киндер» из Нюрнберга. Уже тогда они пытались пробиться с немецкими текстами, но без особого успеха.

Однажды со мной разговорился солист этой группы: «Старик, на немецком мы далеко не уедем. Надо возвращаться к английскому». Я ему ответил: «Запомни, дружище, все у нас получится. День этот недалек!» Я был первым, кому это удалось. Я добился этого ради дела, для самого себя, для моих родителей, которые так и не верили, что из меня в жизни что-то получится. Я хотел предстать перед несостоявшимся дирижером, моим дорогим отцом, и сказать ему: «Слава Линденбергам! Твой сын победил!» Я приехал бы к нему на большой машине, с толстым бумажником и целым ящиком дорогих гаванских сигар, с роскошным букетом цветов из оранжереи и бутылкой благородного коньяка и сказал бы: «Спасибо вам за понимание и терпение. Перед вами человек, выигравший в жизненной лотерее». К сожалению, родители умерли очень рано, так и не увидев результатов моей карьеры.

Мне часто задают вопрос: «Как, собственно, появляется на свет «забойный» текст?» Нужен опыт, отвечаю я. В начале 70-х, когда я делал первые шаги, он у меня был равен нулю. Теперь его у меня много, и я знаю самые разные пути, ведущие к тексту, а то и к хиту. Иногда это получается быстро, иногда требуются годы, чтобы какая-то тема превратилась в текст.

Моя первая пластинка «Андреа Глория» появилась в 1973 году в количестве 100 000 экземпляров и имела большой успех. Я почувствовал его уже в студии звукозаписи: когда пластинка была готова, я завыл от счастья, как последняя собака.

Мне хотелось создать группу, какой еще не было. Как и принято в фирме «Линденберг», я пригласил лучших. Среди них были ребята, которых я знал еще в доисторические студенческие времена, были и совсем молодые, не успевшие сделать себе имени, был один, которого мы просто переманили из другой группы.

13 августа 1973 года родилась группа «Эль Панико». Мы репетировали, как сумасшедшие, и вскоре нам предложили выступить в гамбургском «Музикхалле», но я все колебался и отодвигал день премьеры. Мне казалось, что мы недостаточно готовы, что надо поработать еще. Я знал, что выступление должно быть таким, чтобы люди на следующий день сказали: «Эти ребята спустились с небес!» Наконец, день был назначен. Отступать некуда. Сегодня или никогда! Пан или пропал!

За 20 минут до начала я, как хищник, метался по сцене. Потом прожег сигаретой дырочку в занавесе и посмотрел в зал. Там сидели зрители — в ожидании чуда, в этом я был уверен! Имя мое уже было довольно известно, и в зале сидели 2000 зрителей. От страха у меня дрожали колени. Что, если завтра газеты обольют нас грязью или, того хуже, вообще ничего не напишут?

Увидев мои дрожащие руки, друг налил мне рюмочку для храбрости. Я мысленно дал себе хорошего пинка и выскочил на сцену, туда, где, по моим представлениям, должен был стоять микрофон. Со стеклянным после рюмочки взглядом, ослепленный прожекторами, я несколько промахнулся и помчался в пустоту. Там, где должен был стоять микрофон, был только воздух. От ужаса я споткнулся и начал заваливаться на сцене. Во время этого свободного падения я зацепил ногой микрофон, который выскочил из штатива и оказался прямо перед моей физиономией. Я лежал на полу, держал в руках микрофон и думал: «Все, Удо, твоя песенка спета!», но зал заревел от восторга, и я, не поднимаясь, начал петь. Каждый, наверное, полагал: «Это он здорово отрепетировал. Вряд ли кто сможет повторить такое».

Зрители вскочили на стулья, а я небрежно, как ни в чем не бывало, поднялся с пыльной сцены. На следующее утро, очнувшись от комы, я нахватал множество газет и везде был один и тот же заголовок: «Звезда родилась».

Если все получилось так, тогда подсядем-ка мы к телефону и посидим-помечтаем, может, кто и позвонит. И они позвонили — фирмы грамзаписи: «Ваша светлость, мы с удовольствием завели бы с вами романчик, потому что видим в вас наше светлое будущее!» — «Весьма польщен», — ответил я и договорился сразу о паре встреч. Надевая гамаши, я вспомнил старую присказку: «Нам с вами не о чем говорить, если речь идет о сумме меньше миллиона!» Все получилось, как я хотел.

Начался бесконечный праздник и бесконечная каторжная работа. Десять счастливых лет! Пластинки, фильмы, гастролы...

Мне кажется, некоторым будет интересно знать, как чувствуют себя артисты после концерта: совершенно обесиленные, безнадежно опустошенные, придавленные. Я знаю некоторых коллег, которые, приняв душ, сидят среди людей, полностью отключившись ото всего, погрузившись в себя, пытаясь вернуться к жизни. Они так много отдали на концерте, и так мало у них осталось, что они не в состоянии вспомнить свое имя. Знаю и таких, которые сразу же после концерта звонят своей «мама миа» и говорят: «Похлопай се-

бя по плечу, мамуля! Твой сынок — крепкий парень. Сегодня все опять получилось здорово!» Я сам так часто делал. Знаю коллег, которые, получив гонорар, заказывали вертолет и летели на нем с шумом и пылью в ближайшее казино, где за вечер оставляли весь гонорар, да еще кое-что в счет следующих концертов. А как бывает у меня? По-разному. Я избавляюсь от лишнего адреналина в крови разными способами. Обычно я под покровом ночи еду с друзьями в какой-нибудь ресторан. Там я залезаю под стол, укладываюсь на пол и ужинаю под ногами своих апостолов. Иногда я бываю настолько плох, что просто лежу, и тогда чья-то дружеская рука протягивает мне под стол миску освежающего салата.

Если в ресторане появятся ищейки-журналисты — Удо нет! Мне гораздо приятнее побыть в интимной обстановке с моими друзьями. Для этого и был придуман подстольный вариант. Иногда после салата ко мне под стол для интеллектуального общения заглядывают весьма симпатичные личности.

Жизнь нашей группы немногим отличалась от жизни других групп. Газеты расписывали один гастрольный скандал за другим: «Секс, наркотики, рок-н-ролл». И то, как мы с огнетушителями носились по коридорам отеля, и высаживали двери, и соревновались, кто первым выкинет телевизор из окна. Что говорить, кое-что было. Нужно ведь спустить пар и расслабиться после концертного стресса, потому что это действительно страшная нагрузка, требующая постоянной дисциплины.

Здесь я хотел бы напомнить о бытующем заблуждении, будто музыканты лучше всего работают под действием наркотиков. Знаю по собственному опыту, что стаканчик перед концертом я пропустить могу, но пришел к выводу, что лучше всего работаю на трезвую свежую голову. Я знаю, это удивит многих, потому что некоторые мои сограждане считают меня супернаркоманом: «Он наверняка наркоман! Посмотрите, как он выглядит!» Так вот: я никогда не употреблял наркотиков. И хоть пару раз я затягивался «травкой», но никакого удовольствия от этого не получал. Знаю, что существует кокаин, но как он действует, не имею ни малейшего представления. Никогда не пробовал и нет у меня никакого интереса к этому. Мозг сам по себе изумительный игровой автомат, слишком дорогой и ценный, чтобы играть с ним в опасные игры. Никакого героина! С меня достаточно того, что я видел, как срывались и падали мои знакомые. Я наблюдал юные сгорающие души в их предсмертном полете и написал пару песен против наркомании в надежде, что они остановят чью-то молодую руку, протянутую к смертельному лакомству...

Работать до седьмого пота на сцене. Быть всегда в форме. Перед гастролью мы делаем пятикилометровые пробежки. Эдакие бодряки с кристально чистой головой. Но тот, кто много и хорошо работает, должен уметь и праздновать по-настоящему. Радостями, скажу прямо, мы в этой жизни не пренебрегали, но доскональное знание репертуара, изумительные репетиции и совершенное владение инструментом — это, согласитесь, гораздо важнее. И праздновать можно только тогда, когда дело идет, как надо. Настоящий секрет успеха — полнейшее отречение от суеты и полная концентрация и последовательность. И еще — это необходимость каждый раз бороться за успех, это отношение каждого музыканта к группе, как к своей семье, и полное психологическое совмещение людей. Каждый должен быть действительно профессионалом. Любителей просят не беспокоиться.

Я счастлив, потому что благодаря моей профессии я мог быть самим собой. Моей семье, моим друзьям и всем, кто мне помогал, я, полный благодарности и гордости, говорю: «Я своего добился. По профессии я — Удо Линденберг. Моя профессия встречается в жизни только раз. Я могу быть самим собой. Я могу делать все, что хочу. И не надо мне ничего другого.

У меня нет менеджера и вообще никого, кто мог бы вмешиваться в мою жизнь. Надо мной только небо и министерство финансов ФРГ. Дай Бог, чтобы все так жили!»

Перевела с немецкого С. КАВТАРАДЗЕ

Окончание следует

**FOR THE HOTTEST
EROTIC PHONE SEX**
CALL 7 DAYS - 24 HOURS
O-DUCK • 970-BUNT
0-2663 • 970-8487

Андреа САЙМАНС,
американская журналистка

ФЭНТАЗИ ГЕРЛС

В полночь она превращается в блондинку с голубыми глазами, пышным бюстом и нежной кожей. А 20 минут спустя снова становится плоскогрудой, темноволосой женщиной с невыразительными глазами. Она — «фэнтази герл» («девушка фантазий»). Она успокоит вас, если вы нервничаете, будет вам другом, если вы одиноки, утешит, если вы чувствуете себя виноватым. Если вы сексуально озабочены, она вас удовлетворит. По телефону. Она выслушает и примет участие в ваших самых необузданных сексуальных фантазиях. Она будет далеко от вас, ей не угрожает беременность, а вам — СПИД. Она никогда не жалуется. Главное, чтобы вы были платежеспособны, и ее голос уведет вас туда, куда пожелаете.

«Фэнтази герлс», работающие в секс-индустрии, на профессиональном языке называются «телефонными операторами», но сами предпочитают называть свою профессию иначе: актриса, импровизатор или рассказчик. По их мнению, эти термины куда точнее отражают творческую сторону работы, которой они занимаются. Не по телефону, а в жизни они молодые жены, домохозяйки, матери-одиночки, студентки, многие из них начинающие актрисы, певицы, танцовщицы, художницы, ждущие, когда их талант откроют и признают, а пока секс по телефону — порой единственный источник дохода.

Дионна работает секретаршей в одной из фирм, зарплаты не хватает на жизнь и содержание ребенка, поэтому уже три года в свободное от работы время она отвечает на звонки сексуально озабоченных мужчин и подростков. «Меня устраивает, что этой работой я занимаюсь дома. Могу стирать белье или мыть полы, а между делом рассказывать небылицы по телефону». Она признается, что жалеет, что дала согласие на интервью, так как беспокоится, что после моей статьи мужчины будут

реже звонить ее коллегам. «Они увидят, какие мы обыкновенные. Совсем не такие блистательные, какими нас рисуют в воображении».

Типичный для Нью-Йорка тариф: 5 долларов за 3 минуты, 10 — за 15, 30 — за полчаса разговора или: полтора доллара — за первую минуту и по 75 центов за каждую последующую. Инструкция правил работы для «фэнтази герлс» «Способы заинтересовать клиента» гласит: «Смело фантазируйте, напридумывайте самые фантастические небылицы о ваших сексуальных наклонностях и расскажите так, чтобы клиент поверил. Настаивайте, что все было именно так, как вы рассказываете... Подберите для себя разные роли-образы, начните с близкого к идеалу женщины, потом переходите на нимфоманку, лесбиянку, рабыню, иностранку и даже девственницу... Если позвонивший предпочитает другую, не тратьте время на обиды — будьте другой, как того хочет клиент. Вы должны обладать достаточными творческими способностями, чтобы удовлетворить фантазии любого клиента... Запомните: никогда не становитесь инициатором сексуальной близости. Дайте возможность клиенту самому сделать первые шаги... Учтите, клиент может вас оскорблять, как ему захочется, но вы всегда должны оставаться дружелюбной... Всегда будьте сексуальной, интересной и интересующейся каждым позвонившим вам клиентом. Помните, что вы играете роль».

В определенном смысле «фэнтази герлс» хотят нравиться клиентам, даже те из них, кто говорит, что им все равно, что о них думают. Им хочется признания. Им хочется, чтобы их считали людьми, а не только предметами для удовлетворения сексуальных потребностей. Они обычные женщины, и их сорокачасовая рабочая неделя далека от эротического рая. Они согласились поговорить со мной, потому что им хотелось выйти за рамки примитивного образа, нарисованного мужчинами. Ради этого они принесли в жертву свои воображаемые роскошные тела и остались в собственных несовершенных оболочках, страдающих от болей в позвоночнике, с распухшими ногами и толстыми животами. Они решились использовать свой нежный голос, чтобы рассказать о реальных фактах из своей жизни.

Роксанна, мать-одиночка, с удовольствием рассказывает о своей полторагодовалой дочке, показывает ее фотографию и гордо улыбается. Я охаю и ахаю, изображая восторг. «Моя дочь станет умной и богатой. Я все для этого сделаю». Роксанна не настоящее ее имя, а принадлежит одному из трех персонажей, которые она играет по телефону. Два других носят имена Лола и Шо-на. У реальной Роксанны нет времени на воплощение в жизнь тех необузданных фантазий, которыми она делится с клиентами, так как все остальное время она посвящает заботе о ребенке. «Когда я отвечаю на звонок, я становлюсь другой. Голос тоже становится другим. Я чувствую себя актрисой».

Первое, что спрашивает Эрика, когда я договариваюсь с ней по телефону об интервью, получит ли она письменные гарантии, что ее анонимность будет сохранена. Она недавно вышла замуж и не хочет, чтобы родители мужа знали о ее работе. Муж присутствует при интервью. Кстати, он присутствует и при разговорах жены с клиентами. «Если женщина признается, что она занимается подобным делом, мужчина сразу решает, что она шлюха. Но мой муж считает разговоры по телефону лишь разговорами по телефону. За это я его так люблю. Я актриса, я предлагаю роль, а не себя. Конечно, в роли есть и капелька меня, но только капелька».

Инструкция требует, чтобы «фэнтази герлс» никогда не соглашались на встречу с клиентом. Естественно, фирма опасается разрушения созданного ей имиджа о прекрасных девушках, стонущих от возбуждения в телефонные трубки. Кроме того, такие встречи грозят вполне реальной опасностью. Приехав в Нью-Йорк из Пенсильвании, Кэссиди никогда в жизни не видела порножурнала. Ей требовалась вечерняя работа, чтобы платить за дневное обучение в колледже. В разделе

объявлений в газете «Виллидж войс» она прочла: «Требуются девушки для ответов на телефонные звонки. Работа в дружеской атмосфере. Квалификация не требуется». Под «дружеской атмосферой» подразумевался публичный дом в Греймерси-парк, под «работой» — возбуждение мужчин по телефону. Ей обещали заработок от 70 до 150 долларов за вечер, если она сможет ответить на 8 телефонных звонков. «Я некрасивая, — рассказывает она, у нее сонная, ленивая интонация, избыточные мечтательными паузами. — Я согласилась. Я всегда считалась такой послушной и правильной, что решила попробовать, каково быть неправильной. Вроде бы протест». Она взяла себе самый любимый мужчинами образ — блондинки с голубыми глазами и большим бюстом — и назвалась Бебеттой. Бебетта вскоре завоевала популярность, такую, что один из клиентов во что бы то ни стало захотел с ней встретиться. Он нашел ее. И застал Кэссиди как раз в тот момент, когда она разговаривала по телефону с очередным клиентом. Осознав, что бледная, маленькая замухрышка с зелеными глазами и есть его вожаемая Бебетта, он разъярился, выхватил пистолет и чуть не убил ее. Но на крик прибежала хозяйка публичного дома. Налетчик согласился оставить Кэссиди в покое, лишь когда хозяйка пообещала ему проститутку, в точности как Бебетта.

Все, с кем я разговаривала, подчеркивали тот факт, что они торгуют только голосом, образами, но не телом, поэтому их нельзя назвать проститутками. Заблуждение повторяется: подобно проституткам, торгующим телом, но не позволяющим целовать их в губы и тем самым, как им кажется, сохраняя свой духовный мир нетронутым, так и телефонные девочки верят, что они способны отстраниться от собственного голоса. Но голос и слова, которыми они пользуются для разговоров с клиентами, остаются. Когда Кэссиди ездит домой на канукулы и навещает друзей, всегда кончается тем, что она их шокирует. «Я не замечала, как из меня вылетают грязные слова. Мне становится стыдно, но я ничего не могу с собой поделать. Я чувствую себя насквозь фальшивой».

«Фэнтази герлс» делают упор на терапевтические качества секса по телефону. Энн говорит, что она помогает мужчинам, чувствующим себя одинокими, как и она сама. Она некрасива, на улице мужчины отворачиваются от нее, но по телефону ее воображают прекрасной и желанной. Эрика же верит, что, если мужчина фантазирует по телефону об изнасиловании, он «освобождается от дурных эмоций и не станет насиловать по-настоящему». Кэрин считает, что мужья, неудовлетворенные в семейной жизни, удовлетворяются телефонными секс-фантазиями и не изменяют своим женам, так что ее работа оберегает браки от распада. Каждая из них придумывает какую-либо теорию, чтобы оправдать себя в собственных глазах.

Для Эми значение этой работы абсолютно ясно. Она бросила ее, когда один из клиентов «изнасиловал» ее по телефону бейсбольной битой. «После этого он спросил, получила ли я удовольствие, и меня чуть не стошнило. Я сказала ему все, что я о нем думаю. Он пожаловался администрации фирмы, которая меня наняла». Ей сделали замечание, но Эми было уже все равно. «Я не думаю, что секс-индустрия может служить трамплином для девушек, желающих сделать карьеру в жизни. Если у тебя есть самоуважение и ты чувствуешь, что можешь чего-то добиться, не следует сюда соваться и растрачивать жизнь на разговоры о сексе с подростками и мужчинами, пускающими слюни в телефонные трубки. Нет, это не сервис, а самая обыкновенная проституция».

Сокращенный перевод с английского В. ГАВРИЛОВА

M

«MELIAH RAGE», группа «Мелиа рейдж» (это индейское название местности к северу от Рио-Гранде) образовалась в 1984 г. в США.

Состав: Тони Николз, гит.; Джим Коури, гит.;
Джесси Джонсон, бас; Стюарт Дауи, уд.; Майк
Манро, вок.

Бостонская группа «М. р.» стала первым спид-метал коллективом, выпустившим свою дебютную пл. на крупной фирме, в данном случае — на *Epic*.

Своим возникновением «М. р.» обязаны прежде всего сан-францисской «Металлике», которая впервые приехала с концертами в Бостон в 1983 г. Вскоре после концерта Т. Николз и Дж. Коури начали подбирать состав для своей группы, который стабилизировался только в 1986 г. Первая же демо-теип группы привлекла внимание фирмы *Epic*, и ее президент лично подписал контракт с молодыми музыкантами. Этот факт способствовал реализации дебютного альб. «М. р.», который понравился не только поклонникам спид-метал, но и муз. обозревателям. Музыка группы свидетельствует о том, что «М. р.» исповедуют стилистику таких столпов трэш-метал, как «*Metallica*» и «*Megadeth*», причем сравнения с последней обусловлены прежде всего характерным вокалом М. Манро, тогда как гитарные партии явно разработаны под влиянием «Металлики».

Пл.: *Kill To Survive*, 1989.

MELLENKAMP, JOHN «COUGAR». Джон «Кугэр» (т.е. «Ягуар») Милленкемп. Родился 7 октября 1951 г. в г. Сеймур, США. Вокалист, композитор.

Попробовав себя на самых разных работах, в том числе и как водитель катафалка, Дж. М. в 1975 г. познакомился с Тони Де Фризом, менеджером Дэвида Боуи, и тот, услышав достаточно «сырые» фонограммы певца, почувствовал, что его песни обречены на успех. Де Фриз устроил ему контракт с фирмой МСА, заставил взять псевдоним «Ягуар», и в 1976 г. появился дебютный альб. Дж. М. «Инцидент на улице Каштанов». Пл. не имела коммерческого успеха (главным образом вследствие того, что в нее вошли в основном чужие композиции), и Дж. М. расстался со своим наставником.

Через некоторое время он познакомился с другим специалистом звукозаписи, Билли Гэффом, менеджером Рода Стюарта и руководителем фирмы *Riva Records*. Альб. «Биография» имел определенный успех, а композиция «*I Need A Lover*» стала международным хитом, известным прежде всего в исполнении Пэт Бенатар.

Тяготение Дж. М. к хард-року особенно ясно выразилось на альб. «Ничего не имеет значения, но если я ошибаюсь?» — одноименная композиция попала в национальный *Top 50*, а две других «*This Time*» и «*Ain't Even Done With The Night*» — в *Top 40*. Решив, что настало время заниматься своими пл. самостоятельно, Дж. М. лично продюсировал следующий диск «Американский простак», который стал сенсацией 1982 г., достигнув верхней строчки хит-парада США и в кратчайшие сроки став «платиновым». Большим успехом пользовались и три сингла, которые непрерывно транслировались по MTV.

Дж. М. регулярно гастролировал с группой «The Zones», и концертные выступления способствовали росту популярности исполнителя, песни которого одновременно привлекали как любителей рафинированного рока, так и тех, кто ищет в музыке красивую мелодию и мастерскую аранжировку. Немаловажное значение имеют и тексты Дж. М. — некоторые его вещи высоко оценены и литературными критиками.

Пл.: *Chestnut Street Incident*, 1976; *A Biography*, 1978; *John Cougar*, 1979; *Nothin' Matters And What If It Did*, 1980; *American Fool*, 1982; *Uh-Huh*, 1984; *Scarecrow*, 1985; *Lonesome Jubilee*, 1988; *Big Daddy*, 1989.

«MÉN AT WORK» («Мен эт уорк»), группа «Мужчины за работой» образовалась в 1982 г. в Австралии.

Состав: Колин Хэй, вон., гит.; Рон Страйнерт, гит., вон.; Джерри Спейсер, уд. вон.; Грег Хэм, сакс., клав., вон.; Джон Риз, бас, вон.

Первые же успехи «М. э. у.» на фестивалях в Сиднее привлекли внимание фирмы CBS, и уже летом 1982 г. группа — под знаменем «нового австралийского саунда» (лидер ее К. Хэм родился и до совершеннолетия жил в Шотландии) — вышла на мировой рынок с дебютным альб. «Работаем как обычно».

Один из синглов («Who Can It Be Now?») пригласил компани MTV и спустя три месяца после выхода возглавил амер. хит-парад, «потянув» за собой и альб., который стал за океаном одним из бестселлеров года (всего в США было продано более 4 миллионов экземпляров этой пл.).

Британская критика реагировала осторожно, по мнению англ. специалистов, «М. э. у.» работали по формуле: «*The Police*» минус остросоциальность» (что, кстати, не встретило возражений со стороны членов группы, заявивших, что «в мире достаточно проблем, чтобы засорять ими еще и рок-н-ролл»). Тем не менее,

• Рок - Энциклопедия •

второй сингл «*Down Under*» («Внизу-под»; это еще и шутливое название Австралии), своего рода гимн «новой австралийской волны», сделал «золотой дубль» по обе стороны Атлантики.

Второй альб. «Cargo» («Груз») если чем-то и удивил, так лишь отсутствием сильного сопроводительного видеоматериала. Синглы «Overkill» и «It's A Mistake» поднялись в США соответственно до 3-го и 15-го места, но интерес к группе начал ослабевать.

В той формуле успеха, которую «М. э. у.» определили для себя сами («реггей и мелодичный поп плюс мысль и юмор»), основными были два последних компонента — но к моменту выхода третьего диска от них, похоже, не осталось и следа. Так или иначе, группа останется в истории рока как ударная сила «австралийского нашествия» начала 80-х, открывшего путь наверх многим сегодняшним героям из Даун-Андер.

Пл.: *Business As Usual*, 1982; *Cargo*, 1983; *Two Hearts*, 1985.

группа «Те, кого так и не смогли повесить» образовалась в 1983 г. в Великобритании.

Исходный состав: Шенн, бас; Пол, гит., мандолина; Джон, уд.; Суилл, гит., вок.; Каш, гит., вок.

Группа собралась в Лондоне в 1983 г. и сразу же возглавила музыкальное направление, которое английский «Нью мюзикл экспресс» охарактеризовал как «гаражное нантрибилли», т.е. «новбойский панк-рок». Позже выяснилось, что у «З. м. з. н. х.» очень много общего с такой группой, как «The Pogues»: сочный, насыщенный саунд, необычайная экспрессивность вокала, остроумные тексты, склонность к социально-политическому памфлету на грани гротеска.

Такое сходство неудивительно: бас-гитаристка Шенн когда-то играла вместе с лидером «The Pogues» Шейном Мангоуэном в группе «The Nips», находившейся под влиянием «The Jam», а поблизости все время «крутился» Каш, выполнявший функции рабочего сцены.

Первый сингл «3. м.з. н. х.», антивоенная баллада Эрика Боугла «The Green Fields Of France», записанная с продюсером Филиппом Шевероном, произвела сильное впечатление на Элвиса Костелло, и тот предложил группе контракт со своей фирмой

РДР вне очереди

Девяностые только начались, а новые кумиры любителей рока изрядно потеснили героев прошлого десятилетия, не говоря уже о «динозаврах» семидесятых — «Queen» и «Deep Purple», это, конечно, замечательно, но молодежь предпочитает слушать иную музыку, и оспаривать такой выбор никто не собирается.

Один из тех, к кому сейчас приковано внимание поклонников музыки 90-х — Вэнилла Айс, или же «Ванильное мороженое», один из немногих белых исполнителей рэпа, которому удалось заткнуть за пояс самого Эм Си Хэммера, признанного лидера этого направления.

Вэнилла Айс — сценический псевдоним Робби Ван Уинкла, 23-летнего уроженца Майами, дебютный альбом которого буквально протаранил хит-парад «Биллборда», уверенно обосновался на первом месте и уже сейчас собрал восьмикратную «платину». В рэпе «мороженщика» улавливаются мотивы все тех же «Куин», но это совершенно уникальный исполнитель, непохожий на остальных рэпперов. «Моя музыка — это пульс большого города», — говорит Айс. Новый «урбанистический рок»?

VANILLA ICE

грамзаписи *Imp records*. Продержавшись в британских инди-чартах около 9 месяцев, песня стала «независимым» бестселлером 1984 г., а в июле 1985-го композиция «*Iron Masters*» возглавила этот хит-парад.

Эти монументальные «исторические» композиции (вторая «обличала» валлийских лендлордов середины прошлого столетия!) во многом сформировали кредо «З. м. з. н. х.»: конфликтная связь исторического прошлого Британии с ее настоящим и будущим стала поэтическим лейтмотивом их творчества.

После первых двух альб., которые были с восторгом встречены муз. прессой Англии, «З. м. з. н. х.» — уже в статусе лидеров «фолк-панка», — записали третий диск, получившийся более мягким и акцентированно «народным». После этого музыканты попытались войти «в непосредственный контакт» с «новой психоделией возрождения», но, справедливости ради, следует отметить, что успеха это предприятие не имело, несмотря на более чем восторженные отзывы критиков.

Группа и сегодня остается в числе любимцев музыкальных обозревателей, однако отсутствие в репертуаре «прорывного» хита не дает ей возможности совершить завершающий скачок в высшую лигу британского рока.

Пл.: *Night Of A Thousand Candles*, 1986; *How Green Is The Valley*, 1986; *Waiting For Bonaparte*, 1988; *Silvertown*, 1989; *Domino Club*, 1990.

«*MERCYFUL FATE*» («Мерсифул фейт»), группа «Милосердная судьба» образовалась в 1980 г. в Дании.

Состав: Кинг Даймонд, вок.; Хенк Шерман, гит.; Михаэль Деннер, гит.; Тими Граббер, бас; Ким Рузз, уд.

Истоки «М. ф.» восходят к панк-группе «*The Brats*», которой в 1980 г. удалось подписать контракт с крупной фирмой *CBS*, однако после выхода дебютного альб., вследствие внутренних разногласий, коллектив прекратил существование. Два гитариста группы Шерман и Деннер создали новый проект под названием «*Danger Zone*», который, в отличие от предыдущего, довольно интересно работал в стилистических рамках хард-рока. Изменив саунд и название (теперь это была уже «М. ф.»), музыканты сделали ставку на экспрессивный вокал Даймонда и необычный сценический имидж певца и не ошиблись: композиции о потусторонних силах, звучавшие на фоне динамичного «металла», привлекли интерес слушателей.

В 1981 г. группа подписала контракт с независимой фирмой *Rave On* и выпустила первый альб., получивший неплохие отзывы в Англии и Скандинавии. Европейское турне 1982 г. способствовало популярности «М. ф.» в континентальной Европе, и крупная английская фирма грамзаписи *Music For Nations* заклю-

чила с музыкантами контракт на выпуск следующей пл.

Второй альб. был более интересным, нежели дебют, но лишь с выходом четвертой пл. «Не нарушай клятвы» группа стала по-настоящему популярной. 1984 г. прошел в интенсивных гастрольных поездках, «М. ф.» выступали на различных рок-фестивалях и даже подписали контракт с амер. фирмой *Combat Records*, но реализовать его музыкантам не удалось: в апреле 1985 г. группа распалась. Причиной того было желание музыкантов исполнять более коммерческую музыку, а также «диктатура» Даймонда, из-за чего члены группы оставались, по сути, в тени.

Даймонд и Деннер сформировали группу «*King Diamond*», которая успешно работает и сегодня, Шерман стал лидером нового проекта под названием «*Fate*». Расставшись с Даймондом, Деннер в 1987 г. создал группу «*Lavina*».

Пл.: *Mercyful Fate*, 1981 (mini-LP); *Soul Without A Corpse*, 1982; *Melissa*, 1983; *Don't Break The Oath*, 1984; *In The Beginning*, 1987 (сборник ранних вещей).

«*THE MERSEYBEATS*» («Мерсибитс»), группа «Ритмы с берегов реки Мерси» образовалась в 1963 г. в Ливерпуле, Великобритания.

Исходный состав: Тони Крейн, гит., вок.; Аарон Уильямс, гит., вок.; Билл Кинзли, бас, вок.; Джон Бэнкс, уд.

Используя в своем названии символ «британского вторжения» в США, «М.» начали с исполнения биг-битовых баллад, которые уже успешно опробовали другие исполнители. Такой подход оправдал себя, группа сразу же попала в центр внимания музыкальной прессы Англии, а их версии известных хитов того времени вновь обосновались в таблицах популярности: «*It's Love That Really Counts*» (24-е место, 1963 г.), «*Wishin' And Hopin'*» (13-е место, 1964 г.), «*I Think Of You*» (5-е место, 1964 г.), «*Don't Turn Around*» (13-е место, 1964 г.) и «*Last Night*» (40-е, 1964 г.).

В 1964 г. к «М.» присоединился бас-гитарист Джон Густафсон (позже игравший в самых известных группах, в том числе в «*Roxy Music*» и «*Ian Gillan Band*») из другой ливерпульской группы «*Big Three*». В 1966 г. «М.» распались, но Крейн и Кинзли продолжали выступать под названием «*The Merseys*», добившись успеха с композицией «*Sorrow*» (4-е место, 1966 г.), которую позже включил в свой репертуар Дэвид Боуи. Написав еще два хитовых сингла, «*I Love You, Yes I Do*» (22-е место, 1966 г.) и «*I Stand Accused*», (38-е место, 1966 г.), группа распалась.

Пл.: *Merseybeats*, 1964 (EP); *On Stage*, 1964 (Live EP); *Merseybeats*, 1964; *Wishin' And Hopin'*, 1964 (EP); *England's Best Sellers*, 1966 (сборник); *Just A Free Talk*, 1989 (сборник).

«*METAL CHURCH*» («Метал черч»), группа «Металлическая церковь» образовалась в 1979 г. в США.

Исходный состав: Курт Вандерхуф, гит.; Рик Коундрин, гит.

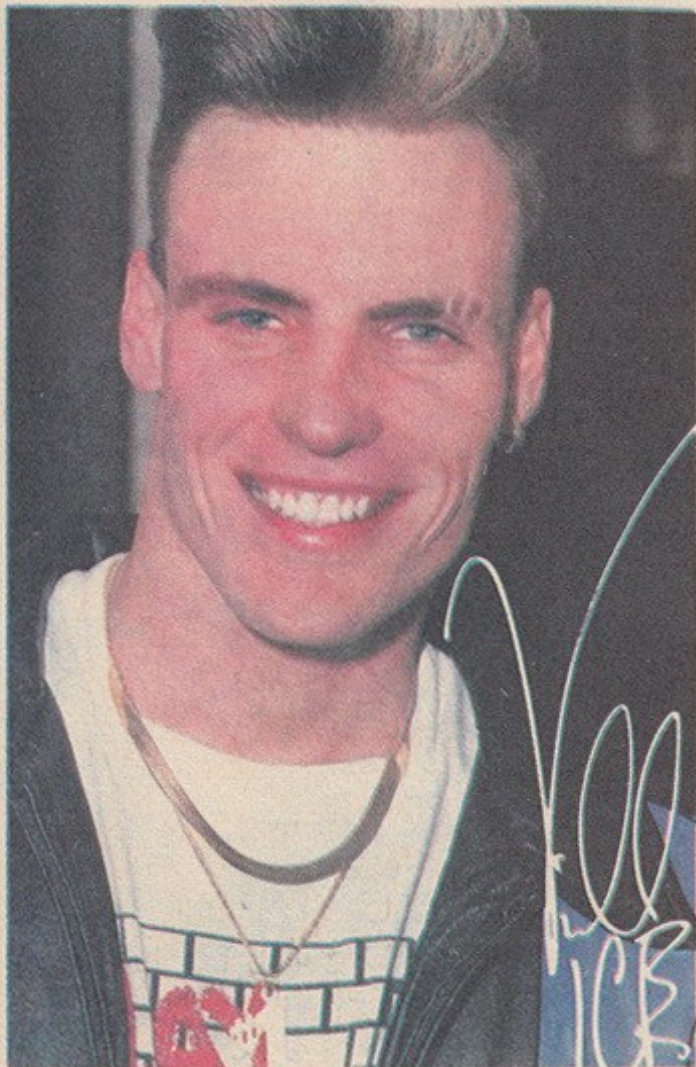
Живший в Сан-Франциско гитарист голландского происхождения К. Вандерхуф так хотел играть «металл», что буквально заставил своего друга Р. Коундрину выйти из состава группы «*Leviathan*», — задействовав сессионных барабанщиков и бас-гитаристов, этот дуэт некоторое время работал как инструментальный, вначале под названием «*Anvil Chorus*», а затем — «М. ч.».

В 1980 г. президент фирмы *Metal Blade* заметил группу и включил их композицию «*Merciless Onslaught*» в сборник «*Metal Massacre 1*» — с этого момента началось стремительное восхождение «М. ч.» к Олимпу тяжелого рока. В 1982 г. сан-францисский вариант «М. ч.» распался, и Вандерхуф — перебравшийся на родину Джими Хендрикса в Сиэтл, — сформировал новую группу «*Shrapnel*», которую позже также переименовал в «М. ч.». Новая группа записала демо-тейп «Четыре гимна», и все четыре композиции вошли в различные «металлические» сборники. В 1984 г. группа выпустила первый альб., который оказался настолько удачным, что был тут же переиздан в Европе; осенью 1985 г. «М. ч.» совершили турне по Западному побережью США. В конце того же года пл. была вновь переиздана на крупной фирме *Elektra*, а в марте 1986 г. музыканты подписали контракт с *WEA-Europe*. Примерно в тот период осложнились отношения между шведским вокалистом Уэйном и остальными музыкантами и тому пришлось покинуть группу (не найдя ему замены, Вандерхуф попросил Уэйна вернуться).

8 февраля 1987 г. группа выступила на фестивале «Аардшок» в Голландии — репертуар «М. ч.» произвел на европейских фэнов сильнейшее впечатление, и о группе заговорили как о событии десятилетия. После гастролей Вандерхуф устроил себе кратковременный отдых, во время которого его заменил Марк Бейкер, сопровождавший «М. ч.» в рамках совместной концертной программы с группой «*Anthrax*». Вскоре стало известно, что Вандерхуф принял решение о выходе из состава «М. ч.», однако остался главным композитором группы и ведущим студийным гитаристом (на концертах его место занимает Джон Маршалл).

Пл.: *Metal Church*, 1984 (в 1985 г. пл. переиздана на фирме *Elektra*; европейская версия альб. включает в себя еще одну песню «*Big Guns*»); *The Dark*, 1986; *Blessing In Disguise*, 1989.

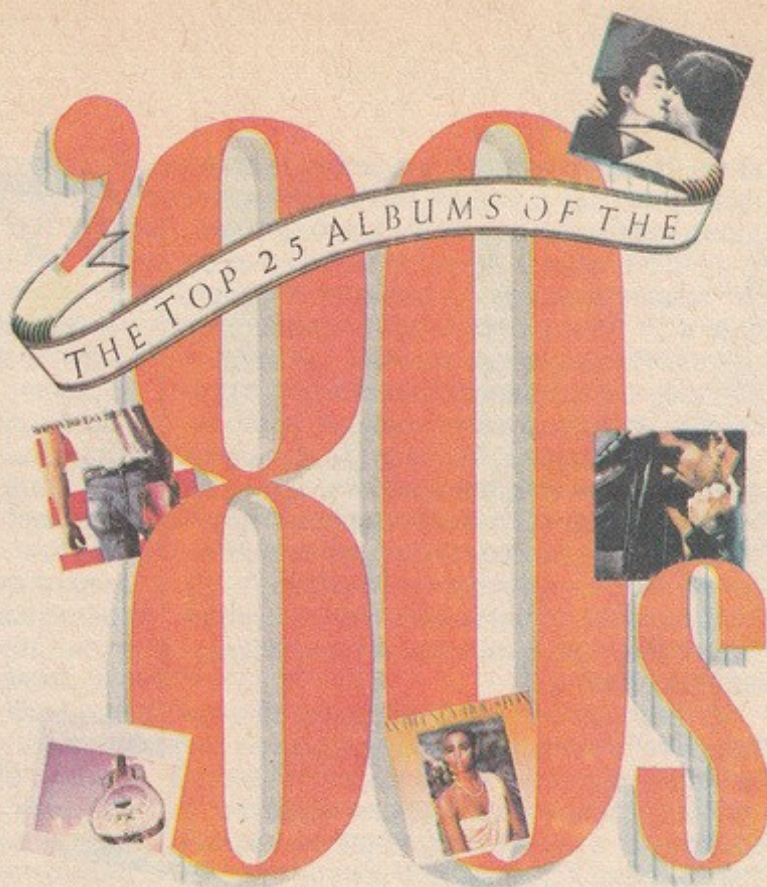
VANILLA ICE

Рок - Энциклопедия Ровесника

4естно скажу — не люблю я ничего нового. Не люблю, и все! Особенно в музыке, в музыке новости меня просто раздражают. Хаус-мюзик я не отличаю от нью-эйдж, а на фотографии могу спутать Эм Си Хэммера с Бобби Макферреном. Я не представляю, чем следующим меня огоршит MTV, кстати, MTV я тоже не люблю. И вообще, мне не нравится дата, которую я ежедневно вижу на календаре: 1991 год. Однажды я огляделся и вдруг увидел, что до конца века осталось всего восемь лет, а мои восьмидесятые, к которым я привык, без которых мне плохо, давно кончились. Всё — девяностые! Я говорю не о дате, я о другом — хип-хоп, компакт-диски, мода «под пятидесятые», и вечерами, изо всех окон, — «Энигма». То ли еще будет... А ведь если вспомнить...

Рок 80-х

ДО ТОГО, КАК «ВОЛНА» РАЗОБЬЕТСЯ О СКАЛЫ...

И. СТОГОВ

Эх! Начало восьмидесятых — чем ты занимался тогда? Учился ходить? Играл в детском саду? Корпел над первыми уроками? Убавь на минутку неунывающую «Европу-плюс», давай обернемся, вспомним ту музыку, с которой мы выросли и которая выросла с нами, для которой восьмидесятые стали такой же порой взросления, как и для нас с тобой — я говорю о «волне». Вспомним ее, она того стоит!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В отличие от других волн, дату рождения новой волны можно определить с точностью чуть ли не до недели. Как мы уже писали, 12 октября 1978 года бывший басист «Секс пистолз» Сид Вишес ударом охотничьего ножа убил свою подружку Нэнси Спанген. Он был помещен в нью-йоркскую тюрьму, откуда к нормальной жизни уже не вернулся. Эти две смерти обозначили длившийся больше двадцати лет конец эры Классического рок-н-ролла.

Все остальное, происходившее в тот замечательный год, было уже началом новой эры. А происходило следующее. В разных концах Великобритании несколько молодых людей организовывали свои группы. В северном Ньюкасле Гордон Самнер, отыскав, наконец, единомышленников, объединился с ними в группу «Полис». У небогатого Гордона был всего один свитер в черно-желтую полоску, из-за него-то он и получил кличку «Жало» — Стинг. Кто нынче не знает этого имени? В Дублине приступили к репетициям «Ю-2», сейчас они

входят в десятку лучших групп мира. В пик всеобщей панкомании Ник Родс и Джон Тейлор организовали группу «Дюран Дюран», и всего через несколько лет планету охватила неистовая «дюранмания». В Лондоне одновременно начинали две группы — это не нуждающиеся в представлении «Кьюэ» и «Депеш мод».

Все они были тогда молоды, жадны до работы, и все они были будущими — будущими звездами, героями будущих скандалов, авторами будущих пластинок и отцами будущих детей. А в 78-м погоду в Великобритании делали совсем другие люди: там скандалил и шумел панк-рок... Параллельным течением места в сердцах слушателей не было. Всем был хорош панк-рок, да только не способен оказался породить себе смену, и кончился на удивление быстро. К 1978 году юные англичане устало опустили разноцветные головы, и вот тут-то на свет божий вышли все те, кто, сосуществуя с панк-роком, панками не являлись.

Музыку, пришедшую на смену, назвали пост-панком, хотя правильнее было бы пост-роком. Выросшая где-то внутри рока, она произошла не от негритянских ритм-энд-блюзов, а скорее от белой классики. Ослепленная роком аудитория не заметила подмены, и в восьмидесятых пост-панк под псевдонимом «новая волна» триумфально прошагал по Европе... И почему-то только в Европе и прижился. Его родословную можно вести от «Клэш» и «Базкокс», первыми отошедших от заветов «Секс пистолз»,

Ровесник 11'91

можно от «Рокси мюзик», можно еще раньше — с «Битлз», и так до бесконечности. Но не будем забираться в дебри — одним из первых вполне пост-панковских коллективов стала группа «П. И. Л.» («Паблик имидж лимитед») — с него и начнем. Группа была составлена из осколков двух величайших групп предыдущего поколения — «Секс пистолз» и «Клэш», лидер — бывший Джонни Роттен, отказавшийся от этого псевдонима и вновь ставший Джоном Лайденом. Голос Лайдона, который в «пистолзовский» период вызывал ассоциации с расхулиганившимся паровозным гудком, неожиданно оказался довольно приятным и, несмотря на все остроты критики, коктейль, замешанный «П. И. Л.», понравился — через период подражания им прошли почти все группы следующих лет. Шумной славы «П. И. Л.» не снискали, но мне кажется, что именно эта группа стала толчком, который заставил развиваться всю музыку следующего поколения. Маленьким, но толчком.

Пока Лайдон-со-товарищи бомбардировали Европу и Америку своими — то двойными, то тройными — альбомами, дела у его бывших коллег из «Секс пистолз» шли неважно, и менеджер группы Малькольм Макларен избрал своим следующим подшефным 28-летнего Стюарта Годдарда, выступавшего под псевдонимом Эдам Энт. Стиль группы «Эдам энд зе Энтс» американцы называют неоромантизмом, а англичане — «блицем», и кого только не причисляли с тех пор к этому направлению: от «Дюран Дюран» до «Депеш мод». Уставшей от злобных панков аудитории Энт предложил усложненную мелодичность и снобистские тексты, да и, в конце концов, он был просто красивым парнем. Последний фактор в сочетании с тем, что Энт одним из первых начал использовать видеоклипы (иногда стоившие громадных денег), обеспечивал ему постоянное место в новорожденном MTV. Энт был безусловным лидером британской музыки начала восьмидесятых. Америка встретила его холоднее: тамошние критики объявили, что «музыке Энта нет прощения», а имидж лихого пирата — плагиат с их, американского, Хендрикса...

В 80-м Бою Джорджу (настоящее имя Джордж О'Дауд) было 17 лет, и был он, если можно так выразиться, профессиональным пижонем. В 1981 году он собрал собственную группу — сначала названную «Секс-хулиганы» и уже потом «Клуб культуры». Единственным достоинством начинающей группы был ударник Джо Мосс, участвовавший почти во всех панк-проектах первого поколения. Успех к «Калчер клуб» упорно не приходил, пока... Пока они не выпустили свой третий сингл (весна 83-го) — с него-то все и началось. Для начала группа была признана сенсацией года. Первый же «большой» диск моментально стал золотым. Боя Джорджа признали

Человеком-рок-н-ролла-83, его скандальные наряды обсуждались всеми. Минус группы состоял в том, что, кроме самого Джорджа, в ней не было больших индивидуальностей, зато хватало больших самолюбий — допевали за них уже другие. Но в начале восьмидесятых новой музыке было достаточно и того, что ее законы, рамки и перспективы определились. «П. И. Л.» заложили основы гитарного пост-панка, Энт — электронного, «Калчер клуб» соединили и то, и другое (и еще много чего) и протолкнули пост-панк в следующий этап его развития. Все шло отлично, хотя и не всегда прямолинейно, случались иногда неожиданные «зигзаги». Например, группа «Полис» (а потом один Стинг) — ну в какие рамки ее можно вогнать? В музыке группы можно найти с десяток составляющих, но, все вместе, это только «Полис». Десятью годами раньше схожий зигзаг подарили миру «Рокси мюзик», а одновременно с «Полисом» — «Дайр стрейтс» (согласитесь, что было бы скучно без подобных зигзагов).

«КЬЮЭ» И К°

В середине восьмидесятых в фазу расцвета вступили «Кьюэ». Переболев шлягерами, они теперь отдавали предпочтение инструментальным пьесам с минимумом текста и детально проработанной аранжировкой. Лично я считаю, что у «Кьюэ» (даже в случае упорно предсказываемого распада) большое будущее, хотя пик популярности почти наверняка позади...

...Возможности чисто электронного творчества, которое избрали для себя соратники и конкуренты «Кьюэ», «Депеш мод», привлекали к себе музыкантов еще в 60-х. После панков, ненавидевших синтезатор, заново открыли его «Хьюмен лиг», благодаря чему уже к 80-му они сделали оч-чень популярной группой. Но вся сложность состояла в написании запоминающихся мелодий. И «Депеш мод» это удалось. Журнал «Рекорд миррор» в 1984 году назвал «Депеш мод» «супергруппой международного масштаба». В этот период группа, кроме музыкальной, развила и необычайную политическую активность и даже примкнула к возглавляемому Билли Брэггом течению «Красный клин». Тогда же была доведена до совершенства организация концертов. Потрясенная декорациями и световыми эффектами критика единодушно признает, что из всех электронных групп у «Депеш мод» самое мощное концертное шоу.

Можно спросить: а почему я назвал две такие непохожие группы, как «Кьюэ» и «Депеш мод», соратниками? Тогда встречный вопрос: а вы никогда не замечали, что чаще всего ругаетесь именно с теми, с кем наиболее близки? Электропоп отрешивается от родства не с каким-нибудь арт-роком или реггей (от которых он действительно далек), а именно с гитарным пост-панком, и это постоянно декларируемое отличие оборачивается на деле странной похожестью. Так ли уж важно, как рождаются песни — традиционным путем, как у «Кьюэ», или путем игры на детских пицалках и микширования паровозных гудков, как у «Депеш

мод». Важен результат, а в результате мы имеем музыку с четкой «хитовой» мелодией, необычно и мрачно исполняемую. ...От Ирландии британские меломаны не ждали никаких сюрпризов. Правда, еще в 1979 году оттуда пробилась в свет группа «Бумтаунские крысы», но единственное, что заставляет вспоминать о них сейчас, это благотворительная деятельность их лидера Боба Гелдофа. Он основал с десяток фондов помощи, знаменитые концерты «Live Aid» и «One World» проводились по его инициативе, и именно он ввел моду собираться музыкантам человек эдак по пятьдесят, чтобы что-нибудь спеть, а на вырученные деньги кому-нибудь помочь.

Однако дублинские группы, заявившие о себе в середине восьмидесятых, не имели с «Бумтаун рэтс» ничего общего: на рок-н-рольную гитарную основу они наложили отпечаток ирландских народных баллад. Успех так впечатлил, что стали поговаривать уже об ирландском вторжении. Первыми и громче всех о себе заявили «Ю-2». Начинать они с исполнения простеньких рок-н-рольчиков, постепенно совершенствуя технику игры, они записали три альбома и стали довольно известным (на родине) коллективом. Так и остались бы они провинциальными звездочками, не повстречайся им в 1982 году знаменитый продюсер Брайан Иноу. Иноу так или иначе имел отношение к появлению всех супергрупп последних 15–20 лет — от «Рокси мюзик» до «Алтравокс». Пройдя его школу, «Ю-2» в 1984 году выпустили свой знаменитый альбом «Незабываемый огонь», который только в Штатах разошелся тиражом в 9 миллионов, а это значит, что альбом достался почти каждой пятой американской семье. Для группы практически неизвестной это был триумф. Следующий диск вышел только в марте 1987 года и уже в апреле стал «золотым» и занял первую строчку во всех хит-парадах, а все 10 его композиций возглавили десять таблиц популярности журнала «Мелоди мейкер» — случай неслыханный со времен «Битлз»!

Пост-панк достиг своей вершины, потрясенная Америка наградила хулиганистого Боно и серьезного Эдама Клейтона, симпатичного Ларри Маллена и умницу Эджа титулом «лучшей группы восьмидесятых». Это была победа, но победа оказалась пирровой. Она что-то надломилась в пост-панке, и он стал на глазах разваливаться. Восьмидесятые кончались. Нет, конечно, вслед за 87-м не наступил сразу же 90-й, но эпоха завершалась, изменялся ее дух. Все вроде бы то же, да не так...

Вслед за «Ю-2» выпустили свои альбомы и другие, даже давно молчавшие звезды — чувствуя, как почва уходит у них из-под ног, они словно салютовали одновременным залпом десятилетия своей молодости. Такого количества более чем отличных альбомов — и подряд — наверняка не упомянут и меломаны со стажем. Ах, что за время было, чудное время... Вроде и было все это совсем недавно — и пяти лет не прошло, а как все переменялось, как неузнаваемо, и безвозвратно...

29

мая 1983 года вокалист «Джудас прист» Роб Хэлфорд узрел будущее. Случилось это с ним в «Металлическую субботу» второго

всеамериканского фестиваля рок-музыки. В ту субботу на сцене помимо «Джудас прист» предстали «Триумф», гости из Германии «Скорпионз» и «Ван Хален». Публики было море. «В тот день я понял: страна помешалась на хэви-метал и хард-роке, — с гордостью заявляет Хэлфорд. — В тот день я понял: перед «металлом» пали границы. Все взглянули на сцену и сказали: вот это то, что нам надо».

Конечно, хэви-метал родился отнюдь не в восемьдесят третьем. Мальчики уже десять лет гремели цепями и трясли буйными головушками. Но если сама музыка была не очень-то новой, новым было ее значение. Ибо не радио, не телевидение и уж точно не мощные фестивали породили металломанию — ее породила реакция на панк-рок.

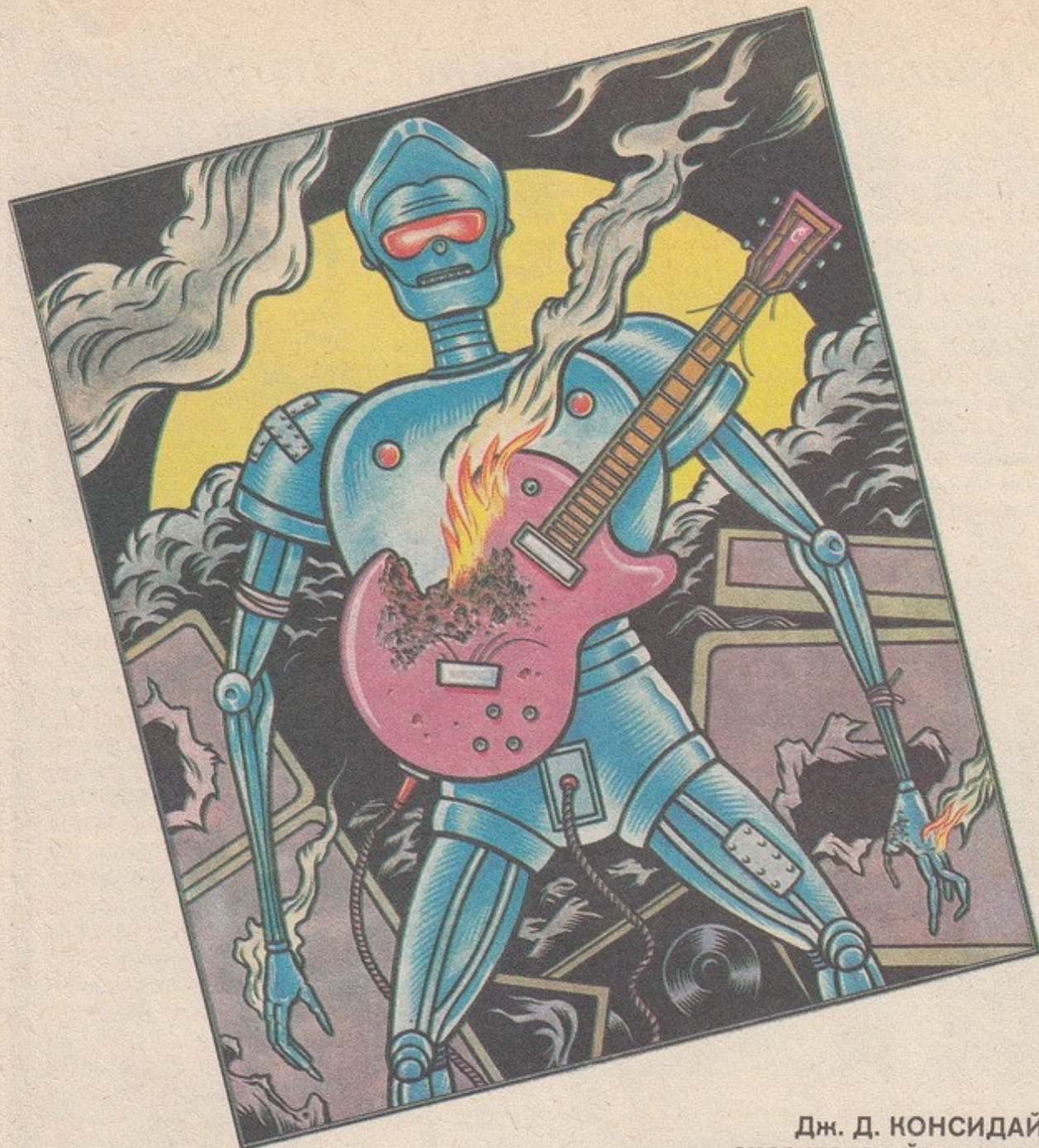
«Мы ненавидели панк, — говорит Стив Харрис из «Айрон мейден». — Мы ненавидели не только эту музыку, но еще и всех панк-рокеров, потому что из-за них не могли получить работу. По всем сценам скакали панки, и выйти перед публикой, если только ты не красил волосы в зеленый цвет и умел играть на своих инструментах, было совершенно невозможно».

В панкующей Великобритании «металл» был не моден, но потребность в такой музыке оставалась. Как бы ни кляли панки «Дип перпл», «Блэк сэдбет» и прочих, обвиняя их в «буржуазности», «декадентстве» и «старомодном хиппизме», люди помнили их музыку и хотели услышать, что из нее могло получиться. Оказывается, по всей Британии существовали подобные группы, но о них никто не знал. Журнал «Саунд» опубликовал статью «Новая волна Британского «металла», и вдруг оказалось, что групп таких — дюжины дюжин. Их музыка перелестнула пролив и загрохотала в Европе. Именно тогда Ларс Ульрих, честолюбивый датчанин, решивший стать звездой тенниса, отправился в Лос-Анджелес. С теннисом ничего не вышло, и Ульрих обратился ко второму своему увлечению — музыке.

Однако Лос-Анджелес — это вам не Дания. «Дома все ребята горели «металлом», здесь же, — вспоминает Ульрих, — помимо «Ван Хален» и «Аэросмит», такую музыку не играл никто. А то, что у американцев считалось «тяжелой» музыкой — группы типа «Канзас», «Стикс» и «РЕО Спидвэгон», — вызывало у европейцев смех, да и только».

Разочарованный и даже разозленный таким отношением американцев к любимой музыке, Ульрих решил собрать свою группу. Первого единомышленника он обрел в лице Джеймса Хетфилда, фаната «Блэк сэдбет». «Сэдбет» была из тех групп, которых боялись все, — говорит Хетфилд. — Ма-

Дж. Д. КОНСИДАЙН,
американский журналист

ЧИСТО БРИТАНСКИЙ ОТВЕТ БРИТАНЦАМ

мы запрещали нам слушать такую музыку. В ней была какая-то угроза для мам и какая-то тайна для нас. Она нас с Ульрихом и объединила». Так появилась «Металлика».

«Но, по правде говоря, планку для себя мы поднимали не очень-то высоко, — вспоминает уже Никки Сиккс из «Мотли кроу». — Мы не мечтали о концертах на стадионах и о турне, в которых нас сопровождали бы восемь грузовиков с аппаратурой. Все, к чему мы стремились, — поиграть сегодня вечером в каком-нибудь клубе и в результате подцепить пару девчонок. Мечты у нас были так себе, на троечку с плюсом».

Но потом эти группы начали понимать, что главное — даже не честолюбивые мечты. Главное — вынести на сцену свой образ жизни и выполнить обещание, данное самим себе. «Мы все были уличными ребятами, но мы не хотели казаться каким-то мусором», — это уже слова Брета Майклза из «Пойзон». В конце концов, чем они тогда отличались от «Секс пистолз», вопивших: «Мы — цветы в мусорной куче»?

Как формы музыкального бунта панк и «металл» имели много общего: громкие гитары, мрачные взгляды и неприятие общества в целом. Различие было лишь в том, куда вел бунт. Панки заявляли, что будущего нет, маялись скукой и предавались тотальному нигилизму. В «металлистах» же был некий оптимизм — они были похожи на веселых уличных псов, умевших, если надо, показать зубы. И крепкие зубы. Конечно, жизнь отвратительна, говорили они, но не это главное. Главное, что — хорошие сейчас времена или нет, — мы с вами заодно. Мы вместе, ребята. «Металл» каким-то образом успокаивал слушателей-подростков, придавал ощущение единства, безопасности перед лицом подростковых проблем и презрительных ухмылок среднего класса.

Родители же, сами успевшие переболеть роком, проявили завидное понимание: на улице бесись, сколько угодно, носи какие угодно тряпки, но в домходи коротко подстриженным и в пристойной одежде. Короче, их лицемерие ничем не отличалось от лицемерия их

собственных родителей, которые в пятидесятых бесились от черной музыки и Элвиса Пресли. Оно было, по правде сказать, еще хуже: новое поколение родителей, видите ли, уже понимало, что у подростков существует свой мир. И, как родители заботливые, они хотели взять этот мир под свой контроль.

Контроль осуществлялся старым испытанным способом. Вместо того, чтобы разбираться, что же сгоняет детей под знамена «металлюг», почему они так поганю себя чувствуют в новых, казалось бы, свободных и все понимающих семьях, почему именно в хэви-метал роке они видят источник личной гордости и культурного единства с себе подобными, родители принялись организовывать различные движения. А тут еще подвернулась очередная кампания по выборам президента, и супруга сенатора Гора, дабы обеспечить сенатору популярность, организовала целую комиссию: мамочки часами напролет слушали песни и искали в них непристойности, а также происки Сатаны. Несомненно, то, что «Пойзон» и «Твистед систер» выступали в гриме, а Оззи Осборн, по слухам, откусил башку какой-то летучей твари, то ли летучей мыши, то ли голубю, представляло собою значительную общественную угрозу.

Группу «Айрон мейден» обвинили в сатанизме только потому, что она записала песню «Число зверя». «Поначалу мы относились к этой истории с юмором, — говорит Стив Харрис, — потому что обо всех сатанинских делах мы и знать-то не знали. Но через некоторое время все стало достаточно утомительным. Мы хотели играть свою музыку, и все разговоры о сатанизме выводили нас из себя: мы просто не понимали, что эти люди имеют в виду».

Началась кампания по обвинению металлистов в том, что они-де доводят подростков до самоубийств. Обвинение против Оззи Осборна было снято — оно не выдерживало никакой критики, а вот «Джудас прист» чуть ли не месяц пришлось промаяться по судам: общественное родительское мнение пришло к выводу, что некий невадский подросток покончил с собой, прослушав альбом именно этой группы.

Но, похоже, процесс, выигранный «Джудас прист», положил начало новому процессу: «металл» перестают воспринимать как угрозу. В конце концов, это оказалась всего лишь музыка, которая нравится подросткам. Не более. Но и не менее.

Перевел с английского
С. НАСТАЛЬСКИЙ

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

САЙЕНТОЛОГИЯ — это культ, ставший модным среди американцев в последние сорок лет и раскинувший свои щупальца и в других частях света. Основатель его, писатель-фантаст Л. Рон Хаббард, сумел выстроить на несчастьях верующих довольно богатый храм (несмотря на строгую засекреченность документов, стало известно, что, например, только в 1987 году доход «церкви» составил 503 миллиона долларов). Как это делается? Да очень просто. «Церковь» предлагает все те же «услуги», что и остальные религии — духовное исцеление. Правда, на основе псевдонаучного бреда и за приличные денежки. Например, чтобы достичь «последней ступени знания», последователь должен пройти несколько обязательных стадий, что в сумме будет стоить ему около 80 тысяч долларов «плюс дополнительные расходы». На эти деньги для нерядовых последователей предлагаются различные «духовные» увеселения — например, роскошные клубы в Голливуде, путешествия «в поисках истины» на принадлежащем «церкви» судне и т.п. Что же касается вполне рядовых последователей, то ради веры они вынуждены закладывать дома, распродавать недвижимость, а в случае отказа «верные слуги церкви» не гнушаются ничем, в том числе и шантажом.

ПРОВЕРКОЙ СОБСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ стал для Брэндона Ли, сына легендарного актера и постановщика фильмов о боевых искусствах Брюса Ли, его первый голливудский фильм «Проба сил в Маленьком Токио». Двадцатилетний Брэндон никогда не нежился в лучах отцовской славы, а вкалывал и тренировался совсем как отец. «Я всегда гордился отцом, но никогда им не хвастался и никогда не считал, что у меня есть какие-то особые права на память о нем. Поэтому я терпеть не могу полоумных фанатиков, которые называют Брюса Ли «Учителем», коряво имитируют его движения и претендуют на особое знание всего того, что знал отец. Он-то знал одно — что знать все невозможно, поэтому заниматься и совершенствоваться надо до бесконечности. И всегда помнил, что его искусство — это искусство защиты, а не нападения...»

ТРИ УРОВНЯ БЕДЫ. О том, что наркомания — беда современного мира, говорить не приходится. Это понятно всем, кто не стал рабом самого страшного из диктаторов. О том, что в чудовищном распространении наркотиков по нашей Земле виновны те, кому все равно, чем зарабатывать деньги и политический капитал, тоже уже достаточно сказано. Однако в качестве иллюстрации все же стоит привести пример: глава одной из колумбийских мафиозных семей Гильберто Родригес Орехуэла отправил одного сына в университет Гренобля, двух других сыновей в престижные университеты США, дочь закончила хорошую школу менеджмента, и все они — претенденты на довольно высокие государственные посты в будущем... А что — великолепное будущее! Правда, оплаченное тысячами загубленных жизней их ровесников, но кто считает?

Но есть еще и третий уровень, о котором мало говорят и пишут — разве только авторы детективных романов. Этот уровень беды — загубленные жизни тех, кто по долгу службы сражается со злом. Убитые полицейские, следователи, журналисты, осмелившиеся проникнуть в тайны наркобизнеса. И служащие таможен, вылавливающие страшный груз. Кстати, в их обязанности входит и его уничтожение. Только представьте, насколько страшен яд, потребляемый наркоманом, если служащие, чтобы не отравиться, должны при сжигании очередной конфискованной партии кокаина надевать такие вот защитные костюмы...

ФИЛ КОЛЛИНЗ, английский рок-музыкант: «Когда меня спрашивают, чем я пожертвовал ради музыки, я всегда вспоминаю одну историю. В 12 лет я продал самую ценную для меня вещь — игрушечную железную дорогу, и купил первый барабан и палочки. И только недавно я выяснил, что дорогу когда-то подарили не мне, а старшему брату. Выходит, я так ничем в жизни и не жертвовал?»

МИКИ РОРК, американский киноактер: «По-моему, я наконец-то повзрослел. Мотоциклы меня теперь интересуют больше, чем девушки».

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

УКРАСИМ НАШУ ЖИЗНЬ СЕРЬГАМИ! Недорогими и модными — из дерева, пластмассы, обрезков кожи и проч. Правило первое: если уши еще не проколоты, не занимайтесь «самоколом» — обратитесь к специалисту. Правило второе: каждый вечер, снимая сережки, протирайте мочки ушей одеколоном, протирайте им и дужки серег. И еще: вместо того, чтобы серьги покоились в коробочке, устройте из них такое вот украшение для комнаты: подвесьте на шнуры, а шнуры, в свою очередь, на что угодно. И легче найти, и жить веселее...

ДОРОГОЙ ОТЦОВ. Не успела как следует отгреметь слава американского ансамбля «Осмонд бразерз» и дуэта Донни и Мэри Осмонд, как подросло-подкрепление в рядах собственного же семейного клана. Четыре сына старшего из «Осмонд бразерз», Аллана, подхватили фамильный мотив и организовали группу «Осмонд бойз», и все опять повторилось сначала: выступления в музыкальных клубах, на концертных площадках крупных торговых центров, зарубежные гастроли, растущая популярность в мире поп-музыки. В творческом росте ребятам помогает отец, ну, а они, как это заведено в добропорядочных мормонских семьях, — в работе на отцовской ферме в штате Юта. Нет, что ни говорите, есть что-то в многодетных семьях. Правда, может быть, только в мормонских, где учат усердно молиться, много работать, хорошо учиться и музицировать?

ДАВНО ИЗВЕСТНО, ЧТО В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ — ЗДОРОВЫЙ ДУХ. Но куда реже говорят, что тело здоровое — когда душа веселая. Хоть это и сущая правда. До 60 с лишним лет Фуфи Харлан из штата Аризона проработала на почте, причем проработала отлично — всегда встречала клиентов с улыбкой и никогда-никогда ничего не теряла и не забывала. А потом внуки подкинули ей на воспитание четырех правнуков, и времени у Фуфи не осталось совсем. Поэтому спортом Фуфи занимается когда и где придется — хоть на остановке в ожидании транспорта или у перехода... И в свои 76 одевается соответственно. И никакое это не грустное и жалкое зрелище, а веселое и симпатичное.

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

ХРАНИТЕЛЬ СЕРДЦА

Детективный роман

Франсуаза САГАН,
французская писательница

Х

Я проснулась среди ночи, дрожа от страшной мысли. Почти час сидела в темноте, как сова, собирая обрывки воспоминаний. Затем, все еще дрожа, спустилась вниз, на кухню, сварила кофе и, подумав, плеснула в чашку коньяка. Занималась заря. Я вышла на террасу, посмотрела на восток, где тянулась длинная, бледная, но уже голубеющая полоса, на «роллс», снова атакованный сорняками (конец недели — пятница), на любимое кресло Левиса, на свои руки, вцепившиеся в перила. Я все еще дрожала. Не имею понятия, сколько простояла я на террасе, вот так, держась за перила. Время от времени пыталась сесть в кресло, но та же страшная мысль тут же вздергивала меня на ноги, как марионетку. Я не смогла даже зажечь сигарету.

В восемь часов стукнули жалюзи в окне Левиса, и я вздрогнула. Услы-

шала, как Левис спустился вниз, насвистывая, зажег газ. Казалось, ЛСД уже выветрился. Глубоко вдохнув утреннего воздуха, я вошла в кухню. Левис удивился увидев меня, а я, застыв, секунду разглядывала его: такой молодой, красивый, благородный.

— Извини за вчерашний вечер, — быстро ввернул он. — Я больше никогда не притронусь к этой гадости.

— Вот что, — сурово начала я и наконец села на стул. Возможность с кем-то поговорить, пусть даже с ним, странным образом успокоила меня. Левис внимательно наблюдал за кофейником, но что-то в моем голосе заставило его посмотреть на меня:

— Что случилось?

В халате, с удивленно поднятыми бровями, он казался таким невинным, что у меня зародились сомнения. Лоскутки совпадений, косвенных улик, замечаний, которые ночью я соединила вместе, снова рассыпались.

— Левис... Это ты убил их, правда?

— Кого?

Вопрос обескуражил меня. Я не решилась поднять на него глаза.

— Их всех: Фрэнка, Лолу, Болтона.

— Да.

Я застонала и откинулась на спинку стула. Левис же продолжал в размеренном тоне:

— Но тебе не надо беспокоиться. Улик нет. Они больше не будут досажать нам, — при этом он добавил в кофейник немного воды, и тут я наконец взглянула на него:

— Но, Левис... ты что, сумасшедший? Ты не можешь убивать всех подряд, этого же нельзя делать, — последняя фраза показалась мне слишком наивной, но его признание столь ошарашило, что я не могла найти правильных слов.

— Если бы ты знала, как много вещей нельзя делать, но тем не менее люди их делают... Предают, подкупают, позорят, бросают близких...

— Но ты не должен был их убивать, — твердо заявила я. Левис пожал плечами. Я ожидала трагической сцены, и этот спокойный разговор ошарашил меня. — Что ты собираешься делать?

— Ничего. Это же было самоубийство, потом преступление на почве секса, потом автомобильная катастрофа.

Продолжение. Начало см. в № 8, 9 и 10 за этот год.

— А я,— меня, наконец, прорвало,— а я?! Могу я продолжать жить с убийцей?

— Но, Дороти, я убил только тех, кто обидел и продолжал обижать тебя!

— Что с тобой? Разве ты мой телохранитель? Я просила тебя об этом?

— Нет, но я люблю тебя.

Тут моя голова начала кружиться, я соскользнула со стула и первый раз в жизни — наверное, сказала бессонная ночь — потеряла сознание.

Я очнулась на диване и увидела Левиса, явно испуганного. Мы молча смотрели друг на друга. И мгновенно меня охватила ярость:

— А, ты меня любишь? Правда? Поэтому ты убил беднягу Фрэнка? И Лолу? Почему же ты не убил Пауля? В конце концов, разве не он мой любовник?

— Потому что он любит тебя. Но если он попытается покинуть тебя или обидеть, я убью и его.

— Бог мой, ты сумасшедший! — воскликнула я. — А раньше ты убил много народу?

— Нет, я не убивал, пока не познакомился с тобой, — ответил он. — Никогда. Не было причины. Я никого не любил.

Он вскочил и, потирая подбородок, зашагал по комнате. Казалось, все это было в кошмарном сне.

— Видишь ли, до тех пор, пока мне не исполнилось шестнадцать, меня били чаще, чем других. Мне никогда ничего не давали, никогда. А потом, после шестнадцати, я стал всем нужен — мужчинам, женщинам, — всем, но при условии, что... э... что...

Этот жеманный убийца перешел все границы. Я прервала его.

— Да, я понимаю.

— Никогда ничего, понимаешь? Ничего просто так. До тебя. Я все думал, когда лежал в постели наверху, что и ты захочешь... ну... однажды... — он покраснел. Полагаю, я тоже.

— Когда я понял, что ты все делаешь из одной только доброты, я полюбил тебя. Так-то вот. Я знаю, ты думаешь, я слишком молод, ты предпочитаешь Пауля Бретта, и я тебя не интересую, но я могу защищать тебя. Вот и всё.

Я пропала. На дороге, в канаве я подобрала сумасшедшего, убийцу, жертву навязчивой идеи. Снова Пауль оказался прав. Пауль всегда прав.

— Ты мной недовольна? — мягко спросил Левис. Я даже не ответила. Можно ли быть «недовольной» тем, кто, чтобы доставить тебе удовольствие, убил трех человек? Его вопрос напоминал вопрос ребенка. Я думала или притворялась, что думаю, так как голова моя соображать отказывалась.

— Ты знаешь, Левис, что мой долг — передать тебя полиции?

— Как хочешь, — спокойно ответил он.

— Мне следует позвонить им немедленно, — слабым голосом добавила я. Он поставил телефон рядом со мной, и мы вместе лениво разглядывали его, словно сомневались, подключен ли он к сети. Левис взял меня за руку. На мгновение, не осознавая, я ему это позволила. Но потом вспомнила, что эта теплая, тонкая рука убила трех человек, и с изумлением отметила, что меня это уже не ужасает. Тем не менее свою руку я решительно убрала.

— Тот парень, вчера, ведь ты хотел убить его, не так ли?

— Да, глупо все вышло. К сожалению, я принял ЛСД и не понимал, что творю.

— Но... Левис, ты понимаешь, что ты наделал?

Он смотрел на меня. А я вглядывалась в зеленые глаза, в совершенную линию рта, черные волосы, гладкую кожу: я искала проблеск понимания или отпечаток садизма, но не нашла ничего. Ничего, кроме беспредельной ко мне нежности. Он смотрел на меня, как смотрят на заикавшегося ребенка. Клянусь, в глазах Левиса я видела снисхождение ко мне. Эта последняя капля переполнила чашу терпения: я расплакалась. Левис обнял меня, гладил мои волосы, и я его не остановила.

XI

Естественно, у меня начался приступ печеночной колики. Если возникает серьезная проблема, у меня обязательно появляются резкие боли в правом подреберье. Приступ продолжался два дня, что дало мне возможность сорок восемь часов ни о чем не думать. Я выкарабкалась из болезни печальная, но решившая все оставить на своих местах.

Тем не менее с Левисом предстояло разобраться. И как только я смогла прожевать бифштекс и сделать глоток виски, я пригласила Левиса в гостиную и предъявила ему ультиматум:

1. Он обязуется никого не убивать без моего разрешения (конечно, я не собиралась давать его, но подумала, что разумно оставить ему хотя бы надежду).

2. Он перестает употреблять ЛСД.

3. Он начинает подыскивать жилье.

Насчет третьего пункта я чувствовала себя менее уверенно, однако Левис со всем согласился, с серьезным выражением лица, без тени улыбки.

После этого я осторожно расспросила Левиса, желая определить, какой эффект произвели на него три убийства. Не садист ли он? Он немного успокоил меня, не совсем, конечно, но успокоил: убийства не произ-

вели на него никакого впечатления. Не было печали — это очевидно, так как никого из них он не знал, но не было и удовлетворенности. Никаких эмоций. Ко всему прочему, его не терзали ни угрызения совести, ни ночные кошмары, короче, моральных устоев у него не обнаруживалось. Тут, по ассоциации, я начала задумываться, что же стало с моими устоями.

XII

Мы готовились к приему у Глории Нэш — после смерти Лолы звезды номер один. Я надела черное, вышитое бисером платье, купленное за бешеную цену в Париже, которое прекрасно оголяло спину — один из оставшихся моих козырей. Левис в смокинге, с блестящими черными волосами смотрелся как молодой принц, хотя в нем было что-то и от фавна. Что касается Пауля, то он являл собой спокойного, элегантного мужчину лет сорока, со светлыми волосами, сидящими на висках, и ироническим взглядом. Я уже смирилась с тем, что мои бисеринки, зажатые в «ягуаре» между двумя смокингами, превратятся в пыль, и тут Левис торжественно поднял руку:

— У меня есть для тебя новости, Дороти!

Я вздрогнула, а Пауль заговорщицки засмеялся:

— Это настоящий сюрприз, Дороти, пойдем за ним.

Левис вышел в сад, сел в «роллс» и на что-то нажал. «Роллс» издал мягкий, ровный звук, дернулся и, плавно двинувшись, остановился передо мной. Левис прыгнул на землю, обошел машину и с низким поклоном открыл дверь. От изумления я лишилась дара речи.

— По крайней мере, сюда-то он доехал, — рассмеялся Пауль. — Залезай. Шеф, мы едем к мисс Глории Нэш, кинозвезде.

Левис тронул машину с места. Через стекло, разделявшее нас, в зеркале заднего обзора я видела лицо Левиса, радостное, детское, счастливое, возбужденное доставленной мне радостью. Бывают моменты, когда реальность жизни полностью ускользает от меня. Я нашла старую переговорную трубку и поднесла ко рту:

— Шеф, что заставило «роллс» сдвинуться с места?

— Я всю неделю чинил его. Как видишь, не зря.

Я посмотрела на Пауля.

— Он признался мне три дня назад, — Пауль улыбнулся. — Мне кажется, Левису лет двенадцать, — и Пауль

сам взял трубку: — Шеф, советую вам сегодня быть повежливее с хозяйкой. Ваше безразличие могут неправильно истолковать.

Левис пожал плечами, но ничего не ответил. Я отчаянно надеялась, что все будет добро ко мне в этот вечер, и у моего маленького преступника не возникнет никаких странных желаний. К этому вечеру я готовилась последние десять дней. Приукрашивала коллег, друзей и изображала Голливуд, эти гнусные джунгли, цветущим раем любви. Если же едкая реплика о ком-либо все-таки слетала с моих губ, я немедленно рассказывала о воображаемой услуге, которую эта личность оказала мне три года назад; короче, я быстро превращалась в идиотку, тихо сходя с ума — если этого уже не случилось.

Глория Нэш встретила нас в дверях своего скромного 32-комнатного домика. Прием этот ничем не отличался от других: сад, подсвеченный маленькими лампочками, залитый светом бассейн, огромные столы и вечерние туалеты. Глория Нэш — блондинка, красивая и образованная. К сожалению, она родилась лет на десять, как минимум, позже меня и никогда не забывала любезно напомнить мне об этом самыми разными способами. Она немедленно увела меня, чтобы я могла поправить прическу, которая, впрочем, в этом не нуждалась, но это один из наиболее скучных и неизменных обычаев Голливуда: каждые десять минут женщины должны исчезать, чтобы причесаться или поудрить нос. После чего я выпорхнула в сад, взглянуть, не успел ли Левис между двумя рюмочками нарезать кого-нибудь из гостей, кому не понравилось мое вышитое бисером платье.

Он мирно разговаривал с одной из голливудских журналисток-сплетниц. Успокоившись, я приняла активное участие в развлечениях. И когда через час Пауль подошел ко мне, я была слегка пьяна и счастлива, как жаворонок. Рой Дэдридж, король вестернов, печально объяснял мне, что четыре или пять лет назад я загубила его жизнь, и, вдохновленный своими чувствами и добрым десятком бокалов «мартини», презрительно взглянул на Пауля, на что тот, впрочем, не прореагировал. Пауль взял меня за руку и отвел в сторону:

— Ты довольна?

— Безумно. А ты?

— Конечно. Видеть тебя смеющейся, даже издали...

Пауль, несомненно, душка, подумала я и решила завтра же выйти за него замуж, раз для него это так важно. Единственное, что удержало меня от того, чтоб сразу сказать ему об этом, — мое твердое правило не высказывать мысли вслух на вечеринке. Воспользовавшись тем, что мы стоя-

ли в тени магнолии, я ограничилась лишь нежным поцелуем в щеку.

— Как поживает наш маленький мальчик? — спросила я.

— Глория смотрит на него, как спаниель на мясо. Она не даст ему сбиться с пути. Кажется, его карьера обеспечена.

«Конечно, если он не убьет дворецкого», — быстро подумала я. Хотела пойти посмотреть, как там идут дела, но не успела: со стороны плавательного бассейна раздался вскрик, и я почувствовала на мгновение, как пишут в романах, что волосы мои встали дыбом, несмотря на прижимающий их лак.

— Что это? — хрипло вырвалось у меня. Но Пауль уже бежал к толпе, собравшейся вокруг бассейна. Я закрыла глаза. Когда я их открыла, рядом бесстрастно стоял Левис:

— Это бедная Рена Купер. Она мертва, — спокойно сказал он. Рена Купер была та самая журналистка, с которой он говорил часом раньше. Ужаснувшись, я взглянула на него. Рену, правда, не следовало считать символом человеческой доброты, но в ее вызывающей отвращение профессии она была из лучших.

— Ты обещал мне, — выдохнула я. — Ты же обещал!

— Что обещал? — спросил он, удивившись.

— Обещал никого не убивать без моего разрешения. Ты трус, и твое слово ничего не значит. Ты прирожденный убийца. Тебе нельзя верить. Мне стыдно за тебя, Левис. Я в ужасе.

— Но... это не я, — выдавил он.

— Скажи это кому-нибудь другому, — с горечью ответила я, покачивая головой. — Кто же еще это мог быть?

Подошел Пауль, ему было не по себе. Он взял меня под руку, спросил, почему я так бледна. Левис спокойно стоял, наблюдая за нами, почти улыбаясь; мне хотелось надавать ему пощечин.

— У бедняжки Рены случился сердечный приступ, — пояснил Пауль. — Десятый в этом году. Доктор ничего не смог сделать: она пила слишком много, а он ее предупреждал.

Левис широко развел руками и ода-рил меня улыбкой несправедливо обиженного праведника. Я вздохнула свободнее. И в то же время поняла, что остаток моей жизни, прочтя любой некролог в газете или узнав о чьей-либо смерти, я не смогу не подорвать его.

XIII

Потом был чудесный спокойный период. Три долгие недели прошли без инцидентов. Левис снимался, мы с Паулем работали и часто обедали вместе у меня дома. Однажды в солнечный уик-энд мы даже отправи-

лись за пятьдесят миль в уединенное бунгало на побережье, принадлежавшее приятелю Пауля. Бунгало стояло высоко над океаном, на скалистом обрыве, и, чтобы искупаться, приходилось спускаться вниз по козьей тропке. В тот день штормило, и мы с Левисом, бездельничая, в основном наблюдали, как плавают Пауль. Как и все хорошо сохранившиеся мужчины его возраста, он старался изображать спортсмена, и это чуть было не закончилось катастрофой.

Пауль плыл элегантно кролем футах в тридцати от берега, когда ноги у него вдруг свело судорогой. Левис и я, оба в купальных халатах, ели тосты на террасе, с которой открывался прекрасный вид на океан, лежащий футах в двадцати пяти ниже. Я услышала, как Пауль слабо вскрикнул, увидела, как он взмахнул рукой, потом огромная волна накрыла его с головой. Я вскочила и бросилась вниз по тропинке. Но Левис уже скинул халат и прыгнул в воду с высоты двадцати пяти футов, рискуя приземлиться на скалы. В две минуты он доплыл до Пауля и вытащил его на берег. Пауля рвало морской водой, я глупо шлепала его по спине, а когда взглянула вверх, то увидела, что Левис совершенно голый. Бог знает, скольких голых мужчин видела я в своей жизни, но тут я почувствовала, что краснею. Наши глаза встретились, и Левис опрометью бросился к дому.

— Друг мой, — сказал Пауль немного позже, согретый и возвращенный к жизни грогом, — друг мой, у тебя есть голова на плечах. Этот прыжок... Если бы не ты, меня бы здесь не было.

Левис хмыкнул, явно раздраженный. Меня поразило, что этот мальчик занимается или спасением человеческих жизней, или кладет им конец. В роли спасителя он определенно нравился мне больше. Я порывисто поднялась и поцеловала его в щеку. Все-таки, может, мне еще удастся превратить его в хорошего мальчика. Поздновато, конечно, если вспомнить Фрэнка, Лолу и так далее, но надежда еще оставалась. Но чуть позже я стала менее оптимистичной, когда, воспользовавшись отсутствием Пауля, поблагодарила его за героический поступок.

— Знаешь, — холодно ответил он, — лично для меня нет никакой разницы, жив Пауль или нет.

— Тогда зачем же ты рисковал, спасая его?

— Потому что ты любишь его, и ты бы страдала, если б он погиб.

— Если я правильно тебя понимаю, не будь Пауль моим другом, ты бы и пальцем не пошевелил?

— Точно, — кивнул он.

Я подумала, что никогда не встречалась с таким представлением о любви. Во всяком случае, никто из моих кавалеров не предлагал мне такого толкования чувства: им всегда хотелось и чего-то плотского.

— Но разве у тебя не возникло никакого сострадания к Паулю, никакой привязанности после этих трех месяцев?

— Ты — единственная, кого я люблю, — серьезно ответил Левис, — и больше никто меня не интересует.

— Ясно, — сказала я. — И ты думаешь, это нормально? Мужчина твоего возраста... привлекающий женщин, должен время от времени... я не знаю... я...

— Ты хочешь, чтобы я кинулся в объятия Глории Нэш?

— К ней или кому-нибудь еще. Это необходимо даже просто с точки зрения здоровья. Я думаю, что молодого человека, который...

Я замялась. Не знаю, что на меня нашло, но я начала читать нотации, как любящая мать. Левис с ехидцей посмотрел на меня:

— Я думаю, люди поднимают слишком много шума вокруг этого дела, Дороти.

— Тем не менее это одно из главных удовольствий в жизни, — слабо запротестовала я, отметив про себя, что я-то посвящала этому делу три четверти своего времени и мыслей.

— Но не для меня, — возразил Левис. И опять на мгновение у него появился отсутствующий вид, тот вид, который всегда так пугал меня. Я оборвала разговор.

Если не считать происшествия с Паулем, уик-энд прошел прекрасно. Мы отдохнули и в отличном настроении возвращались в Лос-Анджелес.

А тремя днями позже закончились съемки фильма Левиса, вестерна, на который возлагали немало надежд, и Билл Макклей, режиссер, пригласил массу народа на коктейль прямо на съемочной площадке, чтобы отпраздновать завершение работы. Все происходило в фальшивой деревне, среди хрупких деревянных фасадов, где Левис слонялся все лето. Я приехала около шести, чуть раньше назначенного времени, и нашла Билла в фальшивом салуне, расположенном на фальшивой главной улице. Я поняла, что он в плохом настроении, помятый и грубый, как обычно. Чуть дальше по улице его съемочная группа подготавливала следующую сцену, а он, с остановившимся взглядом, сидел за столом. В последнее время он сильно пил, поэтому ему давали ставить только второсортные фильмы, от чего он нервничал и пил еще больше. Он глядел, как я поднималась по пыльным ступенькам, ведущим в салун, потом прорычал что-то похожее на смех:

— А, Дороти! Пришла посмотреть на работу своего жиголо? Сегодня его главная сцена. Не волнуйся, он красивый парень. Я думаю, тебе недолго осталось платить за него.

Он был мертвецки пьян, но я, несмотря на благие намерения, не обладаю долготерпением. Я сердечно назвала его грязным мерзавцем. Он пробормотал, что, не будь я женщиной, он бы уже вышвырнул меня вон, после чего я вежливо поблагодарила за то, что он, хотя и несколько запоздало, вспомнил, кто я.

— Во всяком случае, я хотела бы, чтоб ты знал о нашей помолвке с Паулем Бреттом, — колкое добавила я.

— Я знаю. Все говорят, что вы делаете это втроем.

Он разразился хохотом, а я уже собралась бросить что-нибудь ему в физиономию — мою сумочку, например, — когда увидела силуэт в дверном проеме. Это был Левис. Ко мне тут же вернулось самообладание:

— Билл, милый, извини меня. Знаешь, я обожаю тебя, но мои нервы слегка расшатаны.

Невзирая на свое состояние, он удивился, но продолжил в том же духе:

— Это все твоя иностранная кровь, она тебя далеко заведет, — он повернулся к Левису. — Ты-то должен знать, не так ли? — Он дружески ткнул Левиса в плечо и ушел. Я нервно рассмеялась:

— Добрый старина Билл. Он не отличается тактичностью, но сердце — чистое золото.

Левис не ответил. Небритый, в ковбойском костюме, с платком на шее, он стоял передо мной, и мысли его, казалось, витали где-то далеко.

— По крайней мере, — добавила я, — он хороший товарищ. Какую сцену вы собираетесь окончить сегодня?

— Убийство, — спокойно ответил Левис. — Я убиваю парня, который изнасиловал мою сестру, чистую, невинную девушку. Могу тебя уверить, для этого требуется смелость.

Мы отправились к съемочной площадке, где шла подготовка к финальной сцене. Левис минут на десять оставил меня, чтобы привести себя в порядок. Я наблюдала. Хотя техники все прекрасно подготовили, Билл сыпал ругательствами и оскорблениями. И дурак понял бы, что он полностью потерял контроль над собой. Голливуд погубил его, Голливуд и алкоголь. Столы для коктейля стояли рядом с площадкой, и некоторые жаждущие уже кончали первые порции. Всего в этой фальшивой деревне столпилось человек сто.

— Майлса крупным планом, — кричал Билл, — где он?

Левис спокойно шел к нему, с винчестером в руке и с тем отрешенным

взглядом, который появлялся у него, когда кто-нибудь или что-нибудь выводило его из себя. Билл наклонился, приткнулся к камере и громко выругался:

— Отвратительно, все отвратительно. Левис, подними ружье к плечу, к плечу... целься в меня... я хочу видеть выражение ярости, ты понимаешь, ярости. Ради Бога, сбрось этот идиотский вид, ведь ты собираешься убить мерзавца, который изнасиловал твою сестру... Так, хорошо... очень хорошо... ты нажимаешь курок... ты...

Я не видела лица Левиса, он стоял ко мне спиной. Раздался выстрел, Билл прижал руки к животу. Кровь появилась между пальцами. Билл упал. На мгновение все застыло, потом бросились к нему. Левис глупо уставился на ружье. Я отвернулась и прислонилась к одной из фальшивых, пахнущих пылью стен: мне стало нехорошо.

Лейтенант Пирсон из полиции являл собой самую вежливость, не вызывала сомнений и его логика. Кто-то заменил холостые патроны настоящими, очевидно, это дело рук одного из, быть может, тысячи людей, которые ненавидели Билла Макклея. Но уж точно не Левис, который едва знал его и казался достаточно разумным, чтобы не убивать Билла в присутствии сотни людей. Все искренне жалели Левиса, и его молчание, его мрачность отнесли за счет эмоционального шока: не так уж забавно быть орудием преступления. Мы покинули полицейский участок около десяти вместе с несколькими свидетелями, и кто-то предложил восполнить то, что мы не выпили. Я отказалась, Левис тоже. По дороге домой мы не произнесли ни слова. Я настолько вымоталась, что даже не злилась.

— Я все слышал, — объяснил Левис, стоя перед крыльцом. Я не ответила. Я пожала плечами, приняла три таблетки снотворного и пошла спать.

Перевод Л. ТАТКО

Окончание следует

В оформлении использованы фрагменты картин Никаса САФРОНОВА.

Этикет и хорошие манеры так плотно замурованы разного рода недоразумениями и предрассудками, что хочется сказать: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Для меня, например, естественность и природное обаяние гораздо важнее чисто внешних приемов. Но с этим согласны не все, и часто этикет становится ловушкой в общественной и, увы, в личной жизни тоже.

Этикет и хорошие манеры — не одно и то же. Этикет — это условный код поведения внутри отдельной социальной группы с учетом местного и национального колорита. По нему видно, к какому классу принадлежит или хочет принадлежать человек. Если этикет разделяет, то хорошие манеры, наоборот, сближают, они направлены на снятие барьеров, на то, чтобы облегчить общение, сделать его приятным. Так что этикет — это социальный облик человека, а хорошие манеры — психологический рисунок. Здесь речь пойдет о хороших манерах, но и этикета коснуться придется, потому что иногда комфорту мешает неумение правильно выглядеть в чужом кругу. Наши установки — путь не единственный, но возможный. Что-то может показаться барством и снобизмом; но ведь и проблемы возникают в основном как раз в непривычном для нас обществе.

ВАС ПРИГЛАСИЛИ В ГОСТИ

Говорят, что джентльмен должен жить достаточно далеко, чтобы прийти в гости в шляпе, но не так далеко, чтобы остаться ночевать. Другое дело друзья — здесь у каждого свои правила. Но есть и общие.

Хорошо сказал один великий человек: «Настоящий хозяин делает все, чтобы гость чувствовал себя как дома. Настоящий гость никогда не ведет себя как дома». Но такой идеал многого требует от обеих сторон, особенно от хозяев, которые должны выразить гостеприимство, указать тактично на домашний кодекс поведения, чтобы гостю было и уютно, и комфортабельно. Не будешь ведь чувствовать себя «как дома», если не знаешь, чего ждать в следующий момент.

Если вы приглашаете гостей на конкретное время, скажите, когда ждете их прихода. Лучше всего указать время первого угощения, например: «Приходите в пятницу вечером. Мы ужинаем обычно с 8 часов, так что ждем вас после 6». Это даст им достаточный запас времени для остановок, если их путешествие длительное, но и даст понять, что прийти после 8 уже будет поздно. Хорошо бы указать и время ухода, но в деликатной форме: «Мы надеемся, что вы поужинаете с нами», то есть, собственно, «мы надеемся, что вы увидите после ужина».

Продолжительность пребывания в гостях зависит от степени знакомства и от расстояний. Будьте пунк-

ВЕДИТЕ СЕБЯ ПРАВИЛЬНО

Мойра БРЭМНЕР,
английская журналистка

туальны во времени приезда и отъезда. Не берите с собой детей и домашних животных. Это возможно, только если вас попросили хозяева. Со своей стороны, дети и домашние питомцы хозяев должны не раздражать гостей. Как ни дико это звучит для некоторых, многие люди избирательны в любви к детям и домашним животным.

Если вы приглашаете гостей на дачу, их обычно встречают на вокзале; если приезд неожиданный, на это не нужно рассчитывать. Желательно предупредить гостей об одежде, соответствующим образом описывая характер поездки, погоду и так далее. Надо также предупредить их о домашних правилах: не лезь со своим уставом в чужой монастырь! Гость должен знать обычное время еды, порядок принятия ванны, все сложности с кранами и с туалетом. Должен знать время подъема: многие любят, чтобы гость вставал и ел со всеми, но можно дать большую свободу, сказав: «Мы завтракаем с восьми до девяти, но если вы хотите поспать, можете потом сделать себе чайку или кофе». Это освобождает вас от обязанности все утро готовить омлетики, гостю даст возможность просто отдохнуть, а вам — отдохнуть от гостя. Если кто-то имеет обыкновение мертвецки спать — предложите услугу разбудить. Напротив, те, кто встал рано, не должны слоняться, как домашняя собачка в поисках пищи; старайтесь также не будить тех, кто еще спит, и не беспокоить только что проснувшихся. Когда весь дом на ногах, это легко понять.

Гостя в отведенной ему комнате не следует беспокоить, не стоит даже будоражить его чаем: просто постучите и скажите, что чай за дверью. Обязательно

выдайте всем вешалки и полотенца. Американцы еще любят махровые салфетки, однако многие недостатки успешно компенсируются букетом цветов на окне.

Любой из гостей имеет право первым уйти спать (так же, как и вообще покинуть вечеринку первым!). Многие этого не знают, и компания сидит допоздна, все боится уйти первыми. Тогда уместно предложить «по чашечке чая на сон грядущий» (это должен сделать хозяин).

Перед сном проверьте, как у гостя с постельным бельем, покажите, где можно сделать чай или кофе (многие это любят). Оставьте на ночь термос, кипятилок, растворимый кофе или сок, чтобы скрасить утреннее одиночество. С утра не звоните посудой, призывая всех завтракать. А гости не должны особо суетиться по хозяйству, а то хозяин подумает, что слишком поздно встал. Что может быть хуже ленивого гостя? Только гость чересчур усердный!

Обычно принято дарить подарки — любые, но чаще гастрономические, можно цветы. Подарок должен соответствовать характеру визита, его продолжительности.

О любой аллергии следует сообщить хозяевам. Гостей лучше спросить, что они любят, хотя бы для того, чтобы за столом не было кислых мин. Если хозяйка говорит «ешьте все, что вам приглянется», не принимайте это слишком буквально и не набрасывайтесь на все сразу. Если такого приглашения не последовало, старайтесь слишком много не угощаться.

Помощь по хозяйству. Гость должен прежде всего составить хорошую компанию, но не только. Хорошо просто тихонечко помогать, не спрашивая, как зануда, «чем помочь», не усердствуя больше хозяйки (это смутит ее). Вклады можно делать, если приехали пожить, но не давайте хозяевам денег непосредственно, за исключением конкретных долгов после совместных походов по магазинам.

Перевел с английского
П. ПОНОМАРЕВ

Окончание следует

АКТЕР И ДЖЕНТЛЬМЕН

Слова и музыка Говарда Гринфилда и Кэрол Кинг. Эту песню, ставшую сейчас хитом в исполнении группы «А-ха», еще в 50-е годы пела группа «Братья Иверли».

CRYING IN THE RAIN

I'll never let you see
The way my broken heart is hurting me
I've got my pride and I know how to hide
All my sorrow and pain
I'll do my crying in the rain
If I wait for stormy skies
You won't know the rain from the tears in my eyes
You will never know that I still love you so
Only heartaches remain
I'll do my crying in the rain
Raindrops falling from heaven
Could never take away my misery
Since we're not together
I've prayed for stormy weather
To hide these tears I hope you will never see
Some day when my crying's done
I'm gonna wear a smile and walk in the sun
I maybe a fool but till then darling you'll
Never see me complain
I'll do my crying in the rain
Oh aah-ooh aah-ooh
Ooh-ooh ooh-ooh-ooh
Woo-ooh ooh-ooh-ooh
Since we're not together
I've prayed for stormy weather
To hide these tears I hope you will never see
Some day when my crying's done
I'm gonna wear a smile and walk in the sun
I maybe a fool but till then darling you'll
Never see me complain
I'll do my crying in the rain
I'll do my crying in the rain
I'll do my crying in the rain

Ooh-ooh

«Я, как все антеры, люблю свои фотографии. Это вообще странное чувство, когда переиграешь много ролей — кажется, что тебя самого и не существует. Поэтому, для подтверждения своего существования, антеры любят развешивать дома свои портреты. Это вовсе не от тщеславия. И еще я заметил, что мы любим собираться в одном месте, так во всем мире — у антеров есть свои рестораны, клубы. Мы смотрим там друг на друга и убеждаемся, что мы есть...»

И знаете, какая моя самая любимая фотография? Я стою рядом с великим блюзовым певцом Джоном Ли Хункером за нулисами Карнеги-холла — Хункер сам пригласил меня на концерт. И вот я стою рядом с ним, и у меня на лице такая глупая довольная улыбка, как у двенадцатилетнего мальчишки. Я только что слушал, как он пел «Замены нет». Песня о том, что любовь невозможно заменить ничем, пел и плакал, этот семидесятидвухлетний человек — он прожил всю жизнь, и вот то, что он открыл: «Замены нет». В семьдесят два года плакать, когда поешь такое, не стыдно...»

Ричард Джир начинал на экране как «плохой парень», «бунтарь без причины» — кожаная куртка, ревущий мотоцикл, мускулистый торс, отработанный долгими занятиями гимнастикой в отрочестве. И, казалось, отроческая задиристость, неукротимость, агрессивность не оставят его никогда. Те, кто видел «Офицера и джентльмена», помнят этот образ: парень из неблагополучной семьи, решивший стать офицером, а офицер в Америке, как правило, из потомственных джентльменов. И, чужак в этом джентльменском мире, он побеждает, он входит в него, оставаясь при этом самим собой.

«Ноттон-клуб», «Без пощады», «Власть» — эти и многие другие его фильмы, в которых актер представлял «человеком на грани», человеком, жизнь которого, вопреки американской кинотрадиции, никак не может кончиться счастьем и покоем, — создали у зрителей образ Джира — вечно «плохого парня», а перемещаться в этом образе по жизни и становиться старше практически невозможно. И мало кто знал, например, что он был первым американским антером, приглашенным на сезон в престижный Лондонский Национальный театр, при этом — в постановку шекспировского «Укрощения строптивой». Мало кто знал, что он — великолепный музыкант, очень начитанный человек, великолепно знающий искусство — и очень щедрый. Щедрый молчаливо, а не ради рекламных кампаний (они с Робертом Де Ниро тихо и спокойно поддерживают больных СПИДом — не собирая средства, а отдавая свои).

И этот «провал во времени», когда из-за возраста Джир уже не мог, да и не хотел играть свои прежние роли, стал провалом в экранной карьере. Он читал и отбрасывал сценарии, и кончилось тем, что их ему перестали предлагать. А потом пришла «Красивая женщина» — современная сказка, о которой так много писали в последнее время. Открытием этого фильма стала Джулия Робертс (см. «Ровесник» № 10 за этот год), однако не меньшим открытием был и образ, сыгранный Джиром — сдержанный, возмужалый принц из сказки, казалось бы, классический преуспевающий господин, мечта жаждущих покоя женщин. Но выбор именно Джира на эту роль говорил американскому зрителю о том, что в этих спокойных джентльменах не все так просто: достаточно вспомнить сцену, предшествующую любовной, когда герой уходит в опустелый ресторан, чтобы играть на фортепиано. Вроде бы — как элегантно, еще одна черточка в сладкий портрет, однако игра его полна внутренней, с трудом сдерживаемой страсти (кстати, Джир играл тогда свою собственную пьесу).

«Эта роль стала для меня очередной опасностью — мне грозит новый стереотип. Хотя и вправду я стал теперь куда спокойнее... Только это другое спокойствие, не благопристойность, которой от меня ждут. Как-то раз, когда я медитировал (надо сказать, что Джир — новообращенный буддист, и очень серьезно относится к своему обращению. — П. В.), мне представился длинный ряд стоявших за моей спиной предков. Они стояли в одну линию, мужчины моего рода, и линия эта уходила за горизонт. И я был их суммой, их результатом, я знал, что если мне удастся усовершенствовать себя, изгнать из себя их чувство вины и их страдания и оставить в себе только всю накопленную ими любовь — тогда я освобожу и тех, кто предшествовал мне. И тогда и к ним, и ко мне придет настоящий покой и я смогу отдать это чувство зрителям».

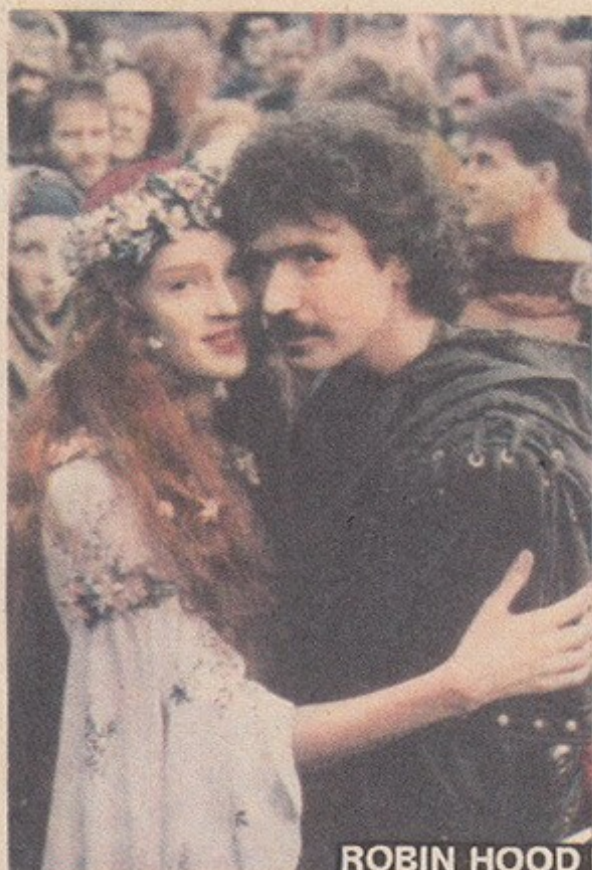
П. ВАГИНА

**R
I
C
H
A
R
D
G
E
R
E**

ROBIN HOOD РОБИН ГУД

Великобритания. 1991 г. 1 ч. 44 мин. Реж. Джон Ирвин. В ролях: Патрик Баргин (сэр Робин Гоуд/Робин Гуд), Ума Турмэн (Мэриан), Юрген Прочноу (сэр Майлз Фолкане), Джероен Краббе (барон Дагер) и др.

Этот год — год славных рыцарей Шервудского леса. Уже вышел на экраны американский «Робин Гуд» с Кевин-ом Костнером в главной роли (мы о нем расскажем в следующих номерах). А это — очередная британская версия. Язык героев очень осовременен, что же касается сюжета, то и он отличается от канонического. Англия XII века, стонущая под игом норманнов. Английский дворянин сэр Робин Гоуд попадает в немилость у знатного норманнского злодея Майлза Фолкане. Барон Дагер разделяет либеральные взгляды сэра Робина Гоуда, считающего, что норманны и англосаксы должны учиться жить в мире.

Однако сэр Робин все же лишается своих полей и пашен, а также титула и вынужден бежать в Шервудский лес, где почему-то (так и неясно, почему) меняет знатное имя на имя Робина Гуда и вместе с отрядом храбрецов-беглецов сражается за то, чтобы вернуть себе поля и пашни, а также знатное имя. Герой влюбляется в племянницу барона Дагера леди Мэриан, и все кончается свадьбой (правда, в День Всех Дураков) и полной победой.

ARACHNOPHOBIA АРАХНОФОБИЯ

США. 1990 г. 1 ч. 50 мин. Реж. Фрэнк Маршалл. В ролях: Джефф Дэниелс (Росс Дженнингс), Харли Джейн Козак (Молли), Джулиан Сэндс (доктор Джеймс Атертон), Джон Гудмэн и др.

Арахнофобия — это боязнь пауков, фобия, которая станет еще более простительной после просмотра этого «ужастика».

Естествоиспытатель доктор Джеймс Атертон случайно заводит в маленький калифорнийский городок страшного паука, чей укус смертелен. Паук прячется в доме врача Росса Дженнингса и его жены Молли и начинает свое черное дело. Так уж получилось, что первыми жертвами становятся пациенты Дженнингса, после чего жители дают доктору прозвище «Доктор Смерть».

В конце концов граждане выясняют, кто повинен в злодеяниях, и начинается охота за пауком под руководством местного душителя клопов и тараканов. Но паучки-то уже размножились... В количестве, достаточном для второй серии.

THE SILENCE OF THE LAMBS ОВЕЧЬЕ МОЛЧАНИЕ

США. 1991 г. 1 ч. 59 мин. Реж. Джонатан Демм. В ролях: Джоди Фостер (Клэрис Старлинг), Энтони Хопкинс (доктор Ганнибал Лектер), Скотт Гленн (Джен Кроуфорд), Тед Ливайн и др.

Похоже, этому триллеру «грозит» звание одного из лучших фильмов данного жанра в прошедшем году. А сюжет следующий: агент ФБР Джен Кроуфорд подсылает свою молодую сотрудницу Клэрис Старлинг к сидящему в тюрьме Ганнибалу Лектеру. Лектер — врач, но предавший свою профессию и ставший убийцей многих людей. Сотрудники ФБР пытаются через него выйти на другого такого же убийцу.

США. 1990 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Патрик Рид Джонсон. В ролях: Дуглас Барр, Ройал Дэноу, Ариана Ричардс, Дж. Дж. Андерсон и др.

«Маленькие зелененькие человечки с Марса», патрулирующие вокруг Земли, слышат по радио запись старой пьесы, основанной на книге Герберта Уэллса в постановке Орсона Уэллеса. И повторяется вполне земная история: как известно, когда американские слушатели впервые услышали эту талантливую радиопостановку, они действительно решили, что на Землю напали марсиане, и началась общенациональная паника. На этот раз отряд пришельцев тоже решил, что Землю захватили их враги, марсианские генералы, удавившие их марсианскую свободу и теперь, по мнению пришельцев, решившие расправиться с земной. И они отправляются на помощь ничего не подозревающим землянам.

БЕСТОЛКОВЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ / МАРСИАНЕ

ВЕРА

США. 1991 г. 2 ч. 14 мин. Реж. Фил Джэноу. В ролях: Шон Пенн, Эд Харрис, Гэри Олдмэн, Робин Райт, Джон Туртурро и др.

В конце семидесятых годов в нью-йоркском районе по прозвищу «Адова кухня» появилась ирландская банда, терроризировавшая местное население. Со временем эта банда присоединилась к итальянской мафии. Они называли себя «Вестиз»...

Реальная история «Вестиз» (говорят, некоторые из гангстеров даже посетили премьеру фильма, дабы убедиться, что сценарист не отырыл их настоящих имен) показана сквозь призму переживаний героя «Веры», молодого полицейского, которого играет Шон Пенн. Его задание — внедриться в банду, воспользовавшись тем, что он вырос в этом районе и у него остались там друзья детства. Герой разрывается между детскими привязанностями, преданностью старым друзьям и профессиональным долгом.

США. 1990 г. 1 ч. 35 мин. Реж. Крис Коламбас. В ролях: Маноли Калкин (Кевин Манналистер), Джо Пески (Гарри), Дэниел Стерн (Марв), Джон Херд, Кэтри О'Хара и др.

Эта потрясающе веселая комедия получила одного из «Оскаров» прошлого года. А герой ее — восьмилетний Кевин Манналистер (по характеру чем-то напоминающий «Вожда краснокожих») сумел довести до нервного срыва двух грабителей...

Но начнем по порядку, хотя порядка в доме главного героя как раз и не хватает. Его родители улетают на Рождество в Париж и при этом... забывают запертого за провинность в спальне Кевина. Парочка грабителей Гарри и Марв узнают, что хозяева уехали, и решают ограбить дом. Но не тут-то было: Кевин — ребенок талантливый, и если решил с грабителями поиграть, то уж играет на всю катушку.

HOME ALONE

ОДИН ДОМА